

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ЮЛИЙ КВАРТИН

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Статьи, воспоминания, интервью

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2012

Ю. Н. Квартин. Житейское море. Статьи, воспоминания, интервью. – М.: Вест-Консалтинг, 2012. – 72 с.

Адвокат Юлий Наумович Квартин в 1995 году становится членом Союза литераторов России. И это закономерно, поскольку статьи Юлия Квартина печатаются в центральных газетах и журналах на протяжении уже 30-ти лет. Серьёзная публицистика, повествующая о судьбах простых граждан, предлагающая решение сложнейших проблем, накопившихся в обществе, естественно, привлекает внимание не только специалистов, но и читателей, небезразличных к тому, какая нравственная атмосфера сложилась в нашей стране. Большинство публикаций имеет общественный резонанс, поскольку в них содержится критика отдельных работников правоохранительных органов и в целом правоохранительной системы. В 1995 г. баллотировался кандидатом в депутаты Госдумы. Награжден профессиональной медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан». Ему присвоено звание «Почетного адвоката» и «Выдающегося деятеля культуры и искусства России».

Ю. Квартин – участник различных телепрограмм: «Пресс-клуб», у Владимира Познера, Андрея Малахова, Артёма Каверина и др.

Статьи Юлия Квартин публиковались в «Российской газете», «Известиях», «Литературной газете», «России», «Труде», «Вечерней Москве», журналах «Государство и право», «Адвокат» и др., в альманахе «Словесность».

Сопредседатель Союза литераторов России Дмитрий Цесельчук

ISBN 5-86676-022-3

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © Ю. Н. Квартин, 2012
- © Союз литераторов России, идея издания, 2012
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2012

«ГДЕ ТВОЯ СОВЕСТЬ, ШЕНИ ЧИРИМЕ?»

Или почему я стал адвокатом

Шел 1914 год. Первая мировая война была в самом разгаре. Мой дед, Георгий, потомок древнего грузинского княжеского рода, как многие тогда граждане Российской империи, ушел добровольцем на фронт, но вскоре попал в плен. Пока дед был в плену, в России произошла революция. После подписания Брестского мира деда освободили. Его путь в Грузию лежал через Москву. При этом, он должен был обязательно отметиться в своей национальной диаспоре. Вот тут-то дед познакомился с моей бабушкой, влюбился, а затем женился и остался в Москве.

У них родилась дочь, моя мать. Дедушка дал ей имя грузинской царицы Тамары. Когда мама чуть подросла, дед повез ее на свою родину. По прибытию в Грузию выяснилось, что революция сделала его родных братьев кровными врагами. Пока дед находился в плену и о нем ничего не знали, дома решили, что он погиб. Поэтому, когда стали создавать колхозы, все его имущество было «национализировано». Так что возвращаться было некуда. Но постепенно враждующие родственники примирились, и моя мама стала приезжать для отдыха в летнее время на родину своего отца.

В Грузию невозможно было не влюбиться. Встречали маму всегда как царицу Тамару. Столько тепла, любви и внимания получала она от каждого посещения этой маленькой, но великой душой и традициями страны, что любовь к ней переполняла ее сердце. Затем эта любовь передалась и мне.

Конечно, в этом «виноват» был и мой дед. Я деда очень любил и скучал, когда он долго отсутствовал. Дед так опекал меня, что всякий раз, когда мне удавалось с ним остаться, я не отходил от него ни на шаг. Если, например, я хулиганил больше дозволенного, дед не ругал меня и, тем более, не наказывал, а лишь спрашивал: «Где твоя совесть, шени чириме?». Что такое совесть я тогда еще не знал, но отвечал: «В буфете, деда». Он нежно улыбался и доставал из буфета обожаемую мной пастилу...

Сейчас я понимаю, как тонко, изящно он тогда прививал мне зачатки мудрости. Он, например, любил повторять: «Я стучу по стенке, а ты пойми, что я хочу сказать». И заставлял меня озвучивать мое понимание «сказанного» им...

К сожалению, дед рано ушел из жизни. В 1952 году он неосмотрительно рассказал в компании друзей политический анекдот. Его лучший друг «настучал», и деда посадили по 53 статье. Дали десять лет. А через год, в 1953 году, дед умер в лагере. Грузинская диаспора добилась, чтобы тело деда выдали для захоронения в Москве на Ваганьковском кладбище.

О моём втором дедушке слагались легенды. Дедушка Борис был известным на весь мир скорняком. К нему обращались за

консультациями и помощью ещё до революции семнадцатого года и после, как частные лица, так и представители многих признанных российских и зарубежных фирм. Он стал достойным потомком знаменитого кантора Звулуна Квартина, которого приглашали во все синагоги мира. Дед был из очень интеллигентной, образованной семьи, я никогда не слышал от него не только грубого слова, но и просто речи на повышенных тонах...

Моей маме шел шестнадцатый год, когда они с моим будущим отцом познакомились, а в 1945 году у них родился я...

Как же я стал адвокатом? Это длинная история. Но, если к ней подойти с юмором, то, в детстве я учился в музыкальной школе, расположенной напротив Бутырской тюрьмы. А теперь я в тюрьме, практически, живу! Как в том старом анекдоте: «Абрам – Хайму: «Ты помнишь Зяму, который жил напротив Бутырской тюрьмы». Хайм – «Да, а шо?». Абрам, хитро улыбаясь, отвечает: «Так типер он живет напротив свыего дому!»...

В 1952 году я пошел в мужскую школу. Тогда еще были мужские и женские школы. Учился в одном классе и сидел на одной парте с Максимом Дунаевским и часто, после уроков, мы с ним шли к нему домой. Там мне посчастливилось общаться с его отцом, Исааком Осиповичем Дунаевским, и его матерью, Зоей Ивановной Пашковой.

После объединения мужских и женских школ, мама перевела меня для учебы в бывшую образцовую правительственную школу, которая находилась напротив нашего дома. В ней я учился вместе с Машей Ильинской, Нателлой Канделаки, Валей Соловьевой, Любой Бесковой, Сашей Варшавским, Сашей Хромченко и многими другими детьми известных тогда людей. Директором школы была Герой Советского Союза, единственная женщина – командир партизанского соединения, Анастасия Петровна Настасенко. Человеком она была превосходным, а руководителем непревзойденным. Дети и учителя ее жутко боялись, но безумно любили, ценили и уважали. Английский язык мне преподавала Булганина. Математику преподавала заслуженный учитель СССР Вера Константиновна Устинова. Математиком, конечно, она была прекрасным, но и антисемиткой рьяной. «Евреем в нашей школе делать нечего», – любила повторять она. Меня она невзлюбила особенно. В итоге пришлось бросить дневную школу и уйти в вечернюю.

Так случилось, что в 16 лет я был принят по договору актером в труппу ЦТСА. Заведующий труппой был Федор Федорович Савостьянов. При первой же встрече с ним, я был поражен размерами пепельницы на столе, и плакатом над головой в его кабинете: «Кури больше – помрешь скорее!». Я испытывал благоговейный трепет, находясь на сцене и имея возможность общения с такими величинами актерского цеха, как Попов, Зельдин, Касаткина, Добржанская, Фетисова, Майоров, Покровская,

Голубкина, Самойлова, Чеханков, Кутепов, Сазонова, Социальный и многими другими. Меня вводили в различные спектакли. Сначала в массовку. Потом в эпизодические роли. И, наконец, я стал репетировать главные роли в гастрольных спектаклях Розова «Перед ужином», Ларса «Выходной день»...

Но судьба распорядилась иначе: по комсомольской путевке я был направлен в экспериментальный цех ЗиЛа, где стал работать токарем-универсалом. А потом армия. Поскольку в моем личном деле призывника была запись: актер ЦТСА, меня назначили руководить солдатской самодеятельностью. Вот такие зигзаги судьбы.

А в 1973 году я, наконец, после пяти лет неудачных попыток поступил на юридический факультет МГУ. Проходил специализацию на кафедрах международного права и советского строительства. Стажировался в Информцентре ООН.

На первом курсе был избран секретарем Комитета комсомола факультета по культмассовой работе. До окончания обучения занимался этой общественной работой и, при организации культмассовых мероприятий, общался с Аркадием Райкиным, Стасом Наминым, Андреем Макаревичем...

По окончании МГУ я был распределен на работу в Московскую областную коллегию адвокатов, где и началась моя адвокатская карьера.

За период работы адвокатом, по моим делам проходили в разных ипостасях Олег Ефремов, Евгений Евстигнеев, Александр Гуров, Гарик Сукачев...

В активе выигранных дел у меня числятся, в том числе, пару громких. Единственное в СССР уникальное решение суда о клевете к газете ЦК КПСС. Суд обязал газету принести публичное извинение... В 1995 году было получено решение Верховного Суда РФ, которым Центризбирком был обязан восстановить в предвыборных списках незаконно исключенный блок. Я находился в начале его списка, являясь кандидатом в депутаты ГД РФ. Это был единственный блок, полностью восстановленный судом в списках...

Принимал и продолжаю принимать участие в качестве адвоката-эксперта в телевизионных программах «Пресс клуб», Познера, «Пусть говорят»...

С 1995 года – Председатель ревизионной комиссии Союза литераторов РФ.

Предлагаю Вашему вниманию некоторые свои публикации, в основном последних лет. Ознакомившись с ними, Вы сами убедитесь, что, так или иначе, в той или иной степени, сегодня мои публикации также актуальны, как и вчера.

Начал я активно публиковаться в 1979 году.

Отдельные материалы подписаны моим псевдонимом – Юлиан Грузинов.

НОВЫЙ ЗАКОН ИЛИ РЕВЕРАНСЫ ПРОШЛОМУ?

Проект Основ уголовного судопроизводства, разработанный во ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, при детальном его рассмотрении, на наш взгляд, не то что далек от совершенства, это было бы слишком мягко сказано, а просто не состоялся. Особенно, если соизмерить его с перспективой создания в стране правового государства.

Из 66 статей, по меньшей мере, 27 требуют принципиальной переработки. Как это ни парадоксально, но во многих статьях проекта проигнорирована защита прав лиц, в отношении которых может быть возбуждено уголовное преследование. В тех же статьях, где такие права обозначены, они звучат в большей степени декларативно. О презумпции невиновности (о которой столько написано в последнее время) сказано так скупо, что это важнейшее правовое понятие, фактически, затерялось в частоколе статей. Странно также, что о защитнике в проекте нового документа речь почти не ведется. Его права сведены до минимума. Поэтому он воспринимается чуть ли не «лишним человеком» в судебном процессе.

Чем же объяснить традиционное невнимание к основополагающему понятию – презумпция невиновности? Есть ли объяснение этому феномену в нашей юриспруденции? Есть! Это не просто забывчивость. И об этом надо сказать прямо: сегодня в правовых органах работают специалисты, в концепциях которых преобладает устойчивый обвинительный уклон, пагубно сказывающийся на всей правовой деятельности. И в обсуждаемом проекте ярко высветились эти обвинительные принципы.

Органы суда и прокуратуры, казалось бы, обязаны, но не принимают соответствующие закону меры в целях устранения несправедливого обвинительного уклона при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Кстати, такие обязанности не закрепляются и в проекте Основ. Поэтому, пока у нас не пришли, как в цивилизованных странах, к специальному отбору будущих работников правовых органов (психологическому тести-

рованию и пр.), необходимо неустанно повторять прописные истины не только при осуществлении правовой пропаганды, но и в содержании правовых норм для самих работников правоохранительных органов. Только так можно положить начало перестройке отношения их сотрудников к закону. Например, не лишне было бы в ст.ст. 6, 13, 25 проекта напомнить, что все, предусмотренное в них, необходимо выполнять, непременно исходя из презумпции невиновности. Тогда и сиротливая ст. 20 будет четче и фундаментальнее определять само понятие презумпции невиновности в советском уголовном судопроизводстве.

В силу этого и ст. 2 проекта следовало бы дополнить следующим абзацем: «Виновные в незаконном привлечении граждан к уголовной ответственности, в подвержении незаконному аресту или в незаконном осуждении подлежат ответственности в соответствии с законом». Лишь тогда можно рассчитывать, что должностное лицо семь раз отмерит, прежде чем отрезать, так как будет понимать, что за необоснованное решение придется отвечать перед законом.

Теперь о правовом положении адвоката, точнее той его роли в судебном процессе, которую отводит ему проект Основ. Во все времена прокурор и адвокат соревновались на равных в состязательном процессе, были равны перед судом. Но чем дальше, тем, фактически, все меньше прав остается у адвоката. Он, в должной мере, не защищен законом. Так, адвокат не может обжаловать определение суда о направлении дела на дополнительное расследование. В случае отказа или нарушения срока ответа на запрос защиты законодатель не предусматривает принятие мер к соответствующему должностному лицу.

В ст. 45 вроде бы закрепляется равенство прав участников судебного разбирательства по представлению доказательств. Но эти права могут остаться на бумаге, если их реально не предоставить с момента возбуждения уголовного дела. Это связано с той самой ответственностью должностных лиц, уклоняющихся от ответов на запросы адвокатов. А ведь такие ответы могут оказать

решающее влияние на ход судебного разбирательства и на сам вердикт по делу.

Далее. О тех шероховатостях, упущениях или промахах, которые содержатся в отдельных статьях проекта Основ.

В ст. 15 говорится о гласности судебного рассмотрения уголовных дел. Это необходимо. Но, в то же время, ничего нет о праве сторон в процессе заявлять ходатайство о слушании дела в закрытом заседании суда. Подчас же это просто необходимо в интересах установления истины.

В ст. 24 (доказательства) в части второй не предусмотрено приобщение к делу такой «мелочи», как звукозапись, сделанной в судебном заседании в присутствии суда. А ведь это может существенно повлиять на правосудность. Практическим работникам хорошо известно, что протоколы судебного заседания далеко не всегда точно соответствуют показаниям, данным в суде. Думаю, не надо объяснять важность даже правильно поставленной запятой (классический пример: «казнить нельзя помиловать». Где поставить запятую?). Приобщение к делу звукозаписи позволит объективно проверить соответствие вердикта. В проекте Основ предлагается пользоваться оперативными данными, но неизвестно каким образом полученными.

А тут – не место недомолвкам.

В ст. 28 о праве подозреваемого иметь защитника с момента первого допроса говорится в последней строке, как бы, между прочим. Думается, что именно с этого и должны начинаться статьи норм права. О том же, что подозреваемый имеет право отказаться от дачи объяснений и показаний, вообще ничего не сказано, так же как и о нюансах, связанных с оплатой работы адвоката, других аспектах его деятельности. В то же время проект Основ, предусматривая право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого иметь защитника, не акцентирует внимание на обязанности органов суда, прокуратуры, следствия при нежелании их «подопечного» на участие в деле адвоката, реализовывать этот отказ в присутствии адвоката. Не секрет же, что, порой, такого отказа добиваются и незаконными методами.

Статья 31 проекта, закрепляющая обязанности и права защитника, вместе с тем ограничивает деятельность адвоката, ставит его в жесткую зависимость от воли, желания лица, производящего дознание. Так, задавать вопросы адвокат может только с разрешения следователя. А если он не разрешит? Как тогда осуществлять защиту? Присутствовать при сем лишь формально? Свидание и переговоры с подзащитным можно осуществлять опять же только в присутствии следователя или прокурора. Опять надзор! Вообще общение с подзащитным у нас и сейчас предусматривается, но с разрешения должностных лиц, ведущих дело, и не бесконтрольно. Не нарушение ли это элементарного права на защиту и не пора ли сдвинуться с места? Мы постоянно говорим о расширении прав, а значит и обязанности защиты, но все время стремимся держать эти права «под колпаком». Все боимся, как бы чего не вышло. А ведь, по сути, бояться следует только одного: оказаться некомпетентными. Исключительно компетентность позволит каждому контролировать себя во всех смыслах этого слова и помогать коллеге в поисках истины.

Статья 34 предусматривает компетенцию следственных органов КГБ по делам об организационной деятельности, направленной на совершение особо опасных государственных преступлений. Каких именно? Для разработчиков проекта Основ, это, видимо, не существенно. Но тогда возникает возможность трактовать свою компетенцию удобно и выгодно тем, кому она будет принадлежать. Опять оставляются лазейки.

За следователями прокуратуры закрепляется обязанность производства предварительного следствия по уголовным делам особого общественного значения.

Что конкретно подразумевается под этим понятием? Необходимо уточнение.

Статья 36 разграничивает полномочия следователя. Но опять конкретные должностные лица, которые принимают те или иные решения, визируют документы, подготовленные следователями, а, стало быть, надзирают за их деятельностью, остались в тени.

Отвечать, судя по всему, опять будет «стрелочник».

Полагаю, что крайне необходимо законодательно закрепить ответственность за такое «теневое» влияние на ход следствия. В случае, если решение о направлении следствия и о производстве следственных действий принимается по санкции (согласию) прокурора, ответственность за их законное и своевременное проведение обязан нести давший санкцию (согласие) прокурор. Кроме того, нельзя допускать произвола и в том случае, когда следователь по тем или иным причинам не согласен с мнением прокурора и вынужден обращаться к вышестоящему должностному лицу или органу за разрешением конфликта. Авторы проекта Основ предлагают такой произвол узаконить путем права вышестоящего прокурора поручить дальнейшее производство следствия по делу другому следователю. В интересах объективности этот вопрос надлежало бы рассматривать, например, какой-либо конфликтной комиссией, созданной из незаинтересованных в конкретном исходе дела должностных лиц.

Оказывать своеобразное давление на обвиняемого дает возможность ст. 39. Так, разработчики проекта считают, что нет необходимости засчитывать время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в срок содержания обвиняемого под стражей. Тем самым будет нарушено одно из основных прав на защиту: тщательное изучение материалов дела с целью подготовки к всесторонней квалифицированной защите.

Или возьмем такой щепетильный момент. Нередко родственники и другие заинтересованные лица не имеют сведений о задержании гражданина. Статья 40 предусматривает обязанность органа дознания или следователя уведомить семью задержанного. Но, представляется, эту обязанность следует рассматривать конкретнее. Уведомлять надо и тех, кого укажет задержанный.

В ст. 43 говорится о праве участников процесса принять участие в распорядительном заседании суда, но ничего не сказано об обязанности суда своевременно известить участников процесса о нем. Адвокат, подчас,

оказывается в неведении, а его участие, возможно, могло бы изменить весь дальнейший ход судебного заседания.

Статья 49 опять ярко высвечивает ущемленность прав адвоката, близорукость, узость подхода к его роли в процессе. Адвокату, вроде бы, предоставляется право «выявлять обстоятельства, оправдывающие подсудимо-го или смягчающие его ответственность». В то же время, умалчивается о его праве наравне с прокурором участвовать в исследовании доказательств, высказывать мнение по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, по поводу применения закона и меры наказания в отношении подсудимого. Вовсе неоправданные ограничения.

В ст. 60 не предусмотрена необходимость извещения адвоката о рассмотрении дела в порядке надзора, где участие адвоката столь же необходимо, как и прокурора. Однако участие прокурора обуславливается, а адвоката – нет.

В ст. 61 не уточняется критерий оценки «существенного нарушения уголовно-процессуального кодекса». Оценка отдается на откуп субъективному мнению должностного лица, решающего в кассационном или надзорном порядке судьбу дела?

Но ведь за судьбой дела стоят судьбы людские!

В итоге следует сказать, что проект Основ требует еще серьезной доработки. Ряд его статей направлен не столько на защиту прав граждан, сколько, фактически, против них. Необходимо, к тому же, все вопросы решать комплексно, если так можно выразиться, состыковывать с другими законами (УК, УПК, ИТК и т. д.).

В противном случае каждый новый закон будет входить в противоречие с уже принятым. Вероятно, законы страдают многими недостатками и потому, что к их разработке слабо привлекаются практические работники, в частности, адвокаты.

НИКИТИН КОМПЬЮТЕР

Как судебное дело обернулось жестоким наказанием невинного ребенка

Никите всего шесть лет, а он уже научился говорить. И это чудо, ибо он не обычный мальчик: родился глухонемым. Вдобавок судьба распорядилась так, что Никита оказался еще и внебрачным ребенком. Когда отец узнал о тяжелейшем врожденном недуге у сына, он, что называется, голову потерял, но не отступился. Сколько проявил заботы о молчаливом, замкнутом ребенке каждый родитель и в отдельности, и совместно, не рассказать. В каких только медицинских учреждениях они не перебивали с Никитой. Но тщетно. Мальчик не слышал, жил в своем, недоступном родительскому пониманию, мире.

Никита оказался общей болью всех близких. Отец прописывает его в своей квартире. Словно это что-то может изменить, чем-то помочь. У Никиты теперь два дома. Пока он не понимает, что бывает иначе. Он закономерно считает, что он везде дома. Тем более, специально подобранные игрушки есть и там, и тут. Систематические занятия с ним по сложной рекомендованной программе идут постоянно, независимо от того, где Никита живет в это время. Родители, родственники взялись, казалось бы, за неразрешимую проблему: научить Никиту говорить, общаться с окружающими. И у мальчика стали проявляться удивительные способности.

Мать случайно узнает, что зарубежом глухонемых успешно обучают с помощью компьютеров, аудио- и видеотехники, специальных переговорных устройств и других аппаратов. Один из ее знакомых, проживающих в ФРГ, милосердно дарит ей компьютер. Однако, вскоре выясняется, что аппарат недостаточно приспособлен для специального обучения. Пришлось с извинениями обращаться за помощью вновь. Знакомый ответил: «Марина, продай этот компьютер. Я понял: нужен другой. Разущу тот, который необходим...». И прислал, опять-таки в качестве подарка, другой.

Обучение пошло куда успешнее. И чудо свершилось. Никита заговорил. Я сам тому свидетель, поскольку раз-

говаривал с ним. Мальчик несколько напряженно смотрел мне в лицо, но отвечал на вопросы четко и правильно, улыбался.

Но однажды в мамину квартиру вошли незнакомые дяди, бесцеремонно начали копаться в шкафах, в столах, что-то стали упаковывать, выносить. Забрали и компьютерное устройство Никиты. На мамины мольбы, слезы не реагировали.

«Мы знаем, что делаем», – ответил один из них.

Накануне эти или другие дяди то же самое сделали в квартире папы. Затем заперли ее и опечатали. Никите туда вход стал закрыт. Тем более, что папу увезли в другой, казенный дом. Никитино папу заподозрили в совершении уголовного преступления – спекуляция компьютерами. В связи с этим были произведены обыски. Кроме квартиры самого Светлова, папы Никиты, произвели обыск и на квартире его родителей.

А затем у старшего следователя Липецкого УВД Ю. Волгина, проводившего расследование, созрело решение и об обыске в квартире матери Никиты.

Здесь уместно сказать, что родители Никиты никогда не вели общее хозяйство и семейные отношения не поддерживали. У них никогда не был зарегистрирован брак. Каждый жил своей жизнью. Все, что их связывало, – это Никита, забота о его жизни и здоровье. Поэтому Светлов имел неограниченную возможность общения с Никитой и соответственно бывал достаточно часто в квартире его матери.

И вот, даже не имея еще достаточных доказательств виновности Светлова, работники следственных органов приходят в чужую квартиру для производства обыска и изымают не принадлежащие Светлову вещи. Сейчас дело Светлова направлено на дополнительное расследование после первого суда. Остается ждать всестороннего, полного и объективного разбирательства.

Но как умолчать о маленьком человеке, одержавшем великую победу над собственным недугом. Никита заговорил. Не без помощи компьютера и других технических средств, которые (вот тут уж, извините, не хочу сдерживаться) черствые, бездушные люди взяли

и увезли. Ведь объясняли же им предназначение этих средств. Говорили о мальчугане трудной судьбы. Зачем же так поступать?! Куда могли подевать эти технические средства мать или сам Никита? Можно же было, как это предусмотрено законом, сфотографировать вещи и оставить на хранение их владельцу.

Конечно, немой мальчик ничего не мог сказать дядям, уносящим его «говорящий» аппарат, телевизор, по которому он смотрел передачу «Спокойной ночи, малыши!», и другие вещи. Да его и не спрашивали. Просто дяди оказались глухонемыми к человеческой беде. К тому же еще и слепыми. До сих пор делают вид, что ничего особенного не произошло.

Тем временем Никита стал говорить заметно хуже...

Куда только мать не обращалась с заявлениями и просьбами. Безрезультатно. Все эти перипетии закончились для Никиты болезнью. Кстати, и суд, и прокуратура, и еще ранее Ю. Волгин обещали вернуть Никитин компьютер с аппаратурой и другими изъятыми вещами. И не вернули. Забыли? Запомятавали? Да разве можно о таком забыть?!

ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА БЕСПРАВНЫХ!

За двадцать с лишним лет адвокатской практики мне пришлось сталкиваться с разными случаями – порой настолько нелепыми и парадоксальными, что расскажи мне об этом кто-то – не поверил бы. И потому, видимо, все большее число моих коллег становятся писателями-беллетристами. А что делать, если сюжеты и фактура просто сами лезут в руки? С точки зрения рассказчиков и слушателей, сюжеты действительно получаются интригующие, порой даже забавные. Но стоит напрячься и понять, что за сюжетами стоят судьбы живых людей и что от подобного развития событий никто из нас не застрахован, как все «забавности» отходят на второй план. И приходишь к весьма неутешительным выводам... Впрочем, прежде чем делать выводы, нелишне вспомнить несколько конкретных историй.

Парень поругался с девушкой и, ища пути к примирению, сцепился с ее новым ухажером. Банально, не правда ли? Дело обошлось без членовредительства, но «Отеллу» арестовали, изъяли при задержании ценные вещи, начали раскручивать дело. Дознаватель (я даже фамилию его помню – Марченков) угрожал и задержанному, и свидетелям, которые все, как один, утверждали, что виновником драки был именно потерпевший, а вот с потерпевшим вел себя откровенно по-дружески. Над моим клиентом тучи сгустились настолько, что я вынужден был дойти с ходатайством аж до первого зама Генпрокурора Михаила Катышева. Вопреки ожиданиям, второй в Генпрокуратуре человек внимательно вник в суть дела и мне был дан официальный ответ: арест произведен незаконно, дело будет прекращено, виновные будут наказаны.

На этом неожиданности не закончились!

Тот же Марченков спокойно заявил, что им Генпрокуратура не указ, вещи, изъятые при задержании у моего подзащитного, не вернул и... ушел на повышение. Моего подзащитного потом освободили из-под стражи и оправдали. Но это было потом.

Еще ситуация. Москворецкий рынок стройматериалов. Лохотронщиков – пруд пруди, но люди поопытнее их избегают. И тем не менее: «Вот, возьмите рекламный буклет нашего магазина. Ой! Что это выпало? А-а, Вам, товарищ, здорово повезло – Вы выиграли стройматериалов из нашего магазина аж на пять тысяч рублей! Не нужны стройматериалы? Хотите деньгами? Нет проблем – платите 10% выигрыша, 500 рублей, – и забирайте пять тысяч!». На вопрос, мол, нельзя ли получить просто четыре с полтиной, отвечают, что нет, что разные бухгалтерии, не положено, и вообще – вот Ваши пять тысяч, как только дадите пятьсот, так мы Вам все и отдадим. Но после передачи пятисот внезапно (а как иначе?) возникает еще один «везунчик» – и начинается уже стократно воспетая бодяга на тему «Выигрыш получит тот, кто заплатит больше». В обычном случае с неосторожно отданными пятьюстами рублями (а то и с большей суммой), можно смело прощаться, но на этот

раз тетку-лохотронщицу удалось доставить в отделение милиции. Потерпевший появился в сопровождении адвоката. Это смутило сотрудников милиции. Один из дежурных милиционеров попросил приведенную вербовщицу связаться по телефону со своим патроном и, взяв у нее трубку, сказал: «Тут твою привели, вызволяй. А клиентам, что ее привели, по пятьсот придется вернуть».

Не могу не поведать и о кошмарном случае в больнице. В молодой семье, где уже был один мальчик, родился второй сын. Но в роддоме малыш подцепил какую-то инфекцию и вскоре умер. Наиболее тяжело это отразилось на старшем сыне, который так мечтал о братике. Он впал в тяжелую депрессию, и родители, еще не отошедшие от шока, всерьез испугались за жизнь старшего сына. Решили положить в частную клинику на реабилитацию, приехали в назначенное время, поговорили с главврачом – и обнадеженные вернулись домой. А наутро им позвонили из клиники и сообщили, что их ребенок... умер. Выяснилось, что смерть наступила от передозировки лекарств – не разобравшись, что к чему, начали лечить до того, как провели обследование. По факту смерти было возбуждено уголовное дело, и главврач, понимая, чем для него может это закончиться, решил сработать на опережение. Он обратился в милицию с заявлением – мол, отец ребенка вымогает у него «компенсацию» за умершего сына. А потом сам назначил отцу время встречи. Ничего не подозревающего «вымогателя» ждала засада – РУБОПовцы надели на отца наручники и отправили в КПЗ. Свежевозникшее (по факту вымогательства) уголовное дело просто сверкало белыми нитками. Управление по борьбе с организованной преступностью, направившее «группу захвата», никоим образом не причастно ни к клинике, ни к месту жительства главврача, ни к месту жительства несчастных родителей. На суде ни один из милиционеров не смог подтвердить, что видел, как передавались деньги. Тем не менее, команда на захват прошла, и дело было доведено до конца. Отца освободили из-под стражи прямо в зале суда, но что ему пришлось пережить

– смерть двоих детей, позор ареста и суда... Или у кого-то повернется язык сказать, справедливость возторжествовала? Самое интересное – главврач своего добился: о нем, вернее, о его вине в смерти ребенка, речь не велась, а у несчастных родителей больше не возникало желание искать справедливость.

Еще сюжет – на этот раз из области бытовых услуг. Московская фирма «Тахо трансмишн» взяла в ремонт «Форд-Фиесту», оговорив общую стоимость – 800\$ и срок – неделя. Четыреста долларов взяли авансом. Сроки не выдержали. Более того! Сославшись на необходимость закупки запчастей в Голландии, вообще затянули исполнение на неопределенный срок. А когда владелец решил забрать свою машину в неотресторированном виде, ему не только отказали в возврате предоплаты, но и затребовали... оплатить стоимость стоянки за весь изрядный срок нахождения в ремонте! Обращение в милицию вызвало у стражей порядка искреннее недоумение: «Какой обман, какое мошенничество? Он же ведь (имея в виду владельца фирмы) не скрылся, продолжает работать – что Вы нас дергаете по пустякам? Разбирайтесь с ним сами».

Другая, но похожая ситуация. Некий господин Санжаровский совершенно официально собирает с клиентов деньги на приобретение новых иномарок. А, получив рубли и доллары, спокойно тянет с выполнением заказа – полгода, год, полтора. То нет нужной комплектации. То «срочно необходимо доплатить из-за изменения цен у поставщика». Все заканчивается тем, что за внесенные немалые деньги предлагают взять не обещанный навороченный агрегат, а простую стандартную комплектацию. Когда взбешенный клиент начинает требовать назад свои деньги, ему говорят: «Денег нет. Или берите, что есть, или ждите дальше».

И хотя этот, да и предыдущий тоже, случай полностью подпадает под статью 159 УК РФ («Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, наказывается...»), правоохранительные органы не реагируют никак («Ну они же не в бегах!»).

Скажите, примеры я привел такие, у которых нет почти ничего общего? Смею вас уверить, что это вовсе не так. И объединяет их одно единственное слово – «беззаконие». Самое страшное, что ничего подобного из вышеперечисленного – будь то «внимательное» отношение дознавателя к потерпевшему, или неприлично дружеская связь между главврачом и РУБОПом, или явно материально подкрепленное наплевательское отношение милиционеров к автомошенникам – не произошло бы, если элементарно соблюдать букву закона.

Отовсюду слышно: нам нужна современная законодательная база, закон устарел, а преступники этим пользуются. Даешь законов, хороших и много! Полноте, все действующие в мире законы переписаны с классического римского права. Ничего нового в отношениях людей за два тысячелетия не появилось. Просто должно быть желание эти законы применять. А желания нет. С одной стороны, тем представителям правоохранительных органов, которые непосредственно общаются с народом, буквальное исполнение законов не сулит никакой материальной выгоды, тогда как закрывание глаз на некоторые нарушения способно пополнить личный бюджет. С другой стороны, руководство этого низового звена вполне удовлетворено тем, что подчиненные спокойно обделывают свои дела и не напрягают их какими-то требованиями, просьбами, инициативами. Ведь действительно – и Генпрокуратура не указ. А каждая публикация в прессе о милицейском произволе заканчивается стандартным ответом: милиция наша – плоть от плоти народной, какое общество, такова и милиция, другой нет. Что тут возразишь? И что делать, когда оказался в подобной ситуации?

Конечно, обращаться в суд, конечно, бороться за справедливость, но во что потом обойдется эта справедливость каждому борцу...

Самое обидное, что подобное положение существует с молчаливого согласия общества в немалой степени оттого, что уважения к частной собственности у нас нет уже много десятилетий. А раз так, то и преступления против имущества какого-то конкретного человека оста-

ются его личным делом. В результате весь мир смотрит на нас не как на нацию, которую попробуй тронь, а как на скопище лохов. И относятся соответствующе.

Вот вам пример из личной жизни. Перед вылетом из Милана один из тамошних полицейских, осуществлявших досмотр, схватил мою дорогую японскую фотокамеру и с криком «Момент! Момент!» исчез в служебных закоулках. Я кинулся разыскивать сбежавшего с моим имуществом полицейского, подключил местных представителей «Аэрофлота», но единственное, чего добился, объяснения: «Вашу фотокамеру по ошибке отдали одному американскому туристу, а он не признался, что она чужая». Потом знающие люди мне рассказали, что подобные эпизоды происходят с российскими туристами сплошь и рядом. И тут я вспомнил, как мгновенно успокоился полицейский начальник в миланском аэропорту, узнав, что жертвой его подчиненного стал не немец и не американец. Да американца бы поддержали все его соотечественники и помогли бы весь аэропорт на уши поставить! По уму, в этой ситуации костыми лечь должен был местный представитель «Аэрофлота». Но г-н Болоцкий откровенно расписался в собственном бессилии. А раз крупнейшая авиакомпания страны позволяет так обращаться со своими клиентами, чего можно ждать от некоторых вороватых итальянских полицейских?

Как можно рассчитывать на защиту закона за рубежом, когда и в родных пределах на это нет никакой надежды. Есть закон – и есть негласные инструкции, которые напрочь перечеркивают исполнение этого закона.

Одна моя клиентка ссудила некоей Дьяченко крупную сумму в валюте. Все по правилам, с расписками и оговоренными сроками. Должница живет на широкую ногу, а вернуть долг денег нет. Ну, вот же она, уже упомянутая 159-я статья УК! Но нет. Солнцевская прокуратура в возбуждении уголовного дела отказывает: «Вот, если Вы найдете еще двух-трех человек, которых она тоже обманула...». Нет в законе прописи, что мошенничество только тогда таковым считается, когда совершено против группы лиц. К тому же устная инструкция «сверху» есть – мол, не распыляйтесь, ребята, на мелочевку. И

заявление... переадресовывают по месту жительства потерпевшей. Ясно, что дело откровенно «топят».

...Всю жизнь меня учили, и я учил сам одному-единственному делу – правильному исполнению законов, принятых в моей стране. И по сей день уверен, что эта работа в первую очередь нужна не каждому из моих клиентов, а обществу в целом.

На Западе адвокат – апологет справедливости, не допускающий неправомерного толкования и ошибочного применения закона. Уважаемая фигура. Почему же тогда у нас адвокат порою уравнен в правах с подследственным – унижительный обыск при посещении следственного изолятора, тьма всяких ограничений. И тут же едва не с поклоном встречают работников суда, прокуратуры и следствия. Нужно побыть в адвокатской шкуре, чтобы почувствовать, в чьих руках находится исполнение законов Российской Федерации.

И опять – что делать? Как вариант, вспомнить о том, что на носу выборы и требовать от своих будущих избранных одного – заставьте российское законодательство работать в полную силу. Ситуацию можно разрешить лишь сверху, с позиций государственной власти.

Пока ей имеющееся беззаконие, судя по всему, только на руку.

НЕ ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ, А ИМЕНЕМ ЗАКОНА

В одном из изданий мне довелось прочитать статью Анатолия Безуглова – доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ. Почетный работник прокуратуры сетовал на отношение к своим профессиональным обязанностям некоторых работников столичных правоохранительных органов, с которыми он лично столкнулся. Профессор не мог поверить, что кто-то из сотрудников, с которыми его свел случай, учился у него. Иначе он чувствовал бы себя дважды оскорбленным. Но, если проблемы возникают у опытного юриста, то, что же говорить простому смертному?

Раньше публикация на правовую тему в СМИ вызывала конкретную реакцию общественности, правоохранительных органов, различных министерств и ведомств. Если факты, изложенные в статье, подтверждались, то принимались соответствующие меры к нарушителям и по нарушениям. На статьи поступали отклики и сообщения о принятых мерах. Таким образом, сохранялась надежда на справедливость, на то, что закон работает. Верилось, что хоть так можно заставить компетентные лица добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности.

Сегодняшний правовой беспредел наступил, на мой взгляд, именно из-за некомпетентности отдельных работников правоохранительных органов, их нежелания исполнять закон. Поэтому и появилась поговорка: «Есть закон, но есть практика его применения». Парадокс! Речь – о двух различных понятиях. К этому добавляются ведомственные инструкции и другие подзаконные акты с указаниями и комментариями вышестоящих руководителей.

И то и другое нередко противоречит закону.

Конечно, нельзя утверждать, что в правоохранительных органах всюду столь плачевное положение и ничего там не найти, кроме отрицательного. Некоторое время назад по одному из дел мне удалось пробиться на личный прием к заместителю Генерального прокурора РФ. Он внимательно выслушал меня, ознакомился с материалами дела, которым я, как адвокат, занимался, вник в ситуацию и дал поручение своим подчиненным разобраться. В итоге человека освободили из-под стражи и дело прекратили. Но сколько результатов предшествовало перипетий? Детективный роман можно было написать.

Так мы и живем, а точнее воюем. До сих пор решаем вопросы «именем революции». А ведь надо – именем закона. Поэтому у нас стало обыденным делом неуважать закон. Поэтому угнездилось наплевательское отношение к своим обязанностям, к долгу, чести, совести, друг к другу. Родине, наконец. Руководствуемся не презумпцией невиновности, а обвинительным уклоном.

Поэтому и адвокат стал лицом неудобным, мешающим этому обвинительному уклону.

Во всем мире адвокат – почитаемая фигура в обществе в целом и в правосудии, в частности. Специалист, стоящий на страже закона, в интересах и с точки зрения защиты не допускающий неправомерного толкования, а тем более ошибочного применения закона. Апологет справедливости. У нас же никак не хотят признать его статус и считаться с ним. При этом с благоговением относятся к работникам суда, прокуратуры, следствия. Спора нет, каждый выполняет свою работу. Но начинаешь возмущаться – тут же ссылаются на какие-то ведомственные инструкции или на указания начальников. А ведь по закону (ст. 245 УПК) адвокат и прокурор – равные стороны в процессе. И представление об адвокате, как о лице, защищающем или, того хуже, выгораживающим любым способом преступника, является ложным, не соответствующим действительности.

Еще раз повторяю: адвокат защищает закон от произвола. В свою очередь закон предусматривает ответственность всех сторон процесса за допущение ими тех или иных его нарушений. Но, если нет четкого понимания, соблюдения и исполнения законодательных норм в сфере юриспруденции, чего же ждать от «остальной публики», для сознания которой в результате абсолютной правовой безграмотности закон – что-то далекое, эфемерное.

Ладно, еще, когда простолюдин некомпетентен в законодательстве. Куда хуже, когда этот порок присущ сотрудникам органов, призванным следить и осуществлять контроль над соблюдением законов. И совсем плохо, когда сотрудники наших правоохранительных органов, более-менее разбирающиеся в вопросах законодательства, используют это в своих корыстных целях, исходя все из той же правовой безграмотности. Вот тогда и становится применим девиз: «Закон, что дышло, куда повернул – туда и вышло».

Этим девизом с успехом пользуются криминальные элементы, наживая огромные состояния. Надо вернуть власти, закону их истинное значение. Ведь государственная машина – это законы, власть, армия. И законы

в нашем государстве есть, хотя и требуют дополнений. Они от Римского права во всем мире одинаковы. Необходимо только заставить их исполнять.

Многое, конечно, мы унаследовали из прошлого. Когда в свое время случилась авария на Чернобыльской АЭС, в телепрограмме «Взгляд» рассказали о мародерстве в зоне бедствия. При этом один из прокуроров, комментируя ситуацию, пояснил: сделать ничего нельзя, так как, по его определению, происходит мародерство не во время войны. Выходит, что законы в нашей стране могут действовать только во время войны, а в мирное время мы достойно жить неспособны в силу исторической профнепригодности. Вместе с тем, ситуация юридически банально проста: проживавшим в зоне бедствия при переселении за счет государства на новое место жительства за оставленное в старых домах имущество выплачивалась компенсация. Стало быть, все, что осталось в зоне бедствия, принадлежало государству. Значит, в том самом мародерстве усматривались признаки хищения госимущества, которые «проглядел» комментатор-прокурор.

Есть примеры и бытового плана. В жилых домах часто отключают электроэнергию. Это влечет за собой выход из строя бытовых электроприборов, не работают лифты, нет света в подъездах, систематически отключается горячая вода. И т. д. и т. п. Но за все продолжают требовать оплату по полной программе. ДЭЗы, ЖЭКи ни разу не предложили перерасчет и не извинились за причиненные неудобства. Я уже не говорю о компенсациях за причиненный вред и моральный ущерб, которые могли бы заставить виновников рьяно следить за тем, чтобы жизнь была комфортной и безопасной.

Тут тоже есть применение закону.

БЕЗНАДЗОРНОЕ ПРАВОСУДИЕ (Судья за приговор не отвечает)

После принятия Федеральным собранием первого пакета законопроектов по судебно-правовой реформе на первый план выдвигаются новые задачи. Думается,

одна из важнейших – контроль над деятельностью судов и ее результатами.

Правовой уровень результата по делу сплошь и рядом не заботит служителей Фемиды. Права сторон, предусмотренные статьями закона, не соблюдаются. Тестирование на профпригодность не проводится. Отсутствует реальная ответственность судей за свою деятельность. Можно ли при этом рассчитывать на правосудие?

Примеры можно приводить сотнями. Ограничусь одним.

Возник спор о наследстве – один из членов семьи сумел добиться признания завещания недействительным. Решение по делу было вынесено Зюзинским судом г.Москвы с очевидными грубейшими нарушениями норм процессуального и материального права. В обоснование решения были положены даже показания свидетеля, которые... полностью опровергают основные выводы суда. В процессе рассмотрения дело «футболили» от одного судьи к другому, как будто заматали следы. Судья Оксана Абдуллаева, не имея в то время процессуальной причастности к делу, выдавала на руки истцу запросы, в отношении которых никто не принимал решений в установленном законом порядке. Причем происходило это тогда, когда делопроизводство было приостановлено другим судьей.

Затем, в отсутствие ответчика, в нарушение ст. 162 ГПК, судья Сергей Мартусов допросил свидетелей истцы и назначил экспертизу. Ответчика же не известили о дне слушания дела. А когда появились свидетели и доказательства ответчика, которые в корне отличались от полученных судом, суд отказал в ходатайстве о повторном вызове свидетелей истца, повторном допросе их в присутствии ответчика и назначении после этого повторной экспертизы. Видимо, поэтому, в том числе, чинили препятствия ответчику и в изучении материалов дела.

В Зюзинском суде вообще знакомиться с делами предлагают в канцелярии, где постоянно толпится народ, а музыка, включена на полную мощность. В нарушение ст. 30 ГПК РФ, ссылаясь на указания председателя суда Нины Васильевой, запрещают снимать копии с ма-

териалов дела, К сожалению, Зюзинский суд не одинок в насаждении правового беспредела.

До последнего времени сохранялась надежда на надзорные инстанции. Но там откровенно заявляют, что законность оценки доказательств подконтрольными им судами их не интересует. Судам, вынесшим вердикт по делу, мол, виднее. В надзорной инстанции могут обратить внимание лишь на нарушение процессуальных сроков рассмотрения дела. А как быть, если суд, по каким-либо причинам, дал доказательствам субъективную оценку, не основанную на материалах дела, а тем более законе?

В Мосгорсуде, например, добиться жесткого правового подхода сложно. На приемах даже не хотят вникать в мотивы жалоб. Подчас приходишь на прием к Председателю суда Ольге Егоровой и пытаешься ей объяснить суть дела. Сообщение об отказе в принесении протеста получаешь, как правило, за подписью ее заместителя, которого и в глаза не видел. Естественно, в сообщении нет ответов на доводы жалобы.

И в Верховном суде сейчас ситуация сложная. Даже по истребованным делам не приостанавливают исполнительное производство. Таким образом, если и будет принесен протест, то вынесенный незаконный вердикт может оказаться уже исполненным и исправление ошибки станет весьма затруднительным, а то и невозможным.

Одна из причин такого положения, как представляется, – то, что в законе не прописана ответственность судей за нарушения, допущенные при рассмотрении дела в суде. К примеру, ст. 348 УПК РФ в случае обнаружения таких нарушений предусматривает лишь отмену вердикта с направлением дела на новое рассмотрение. Отнюдь не хотел бы бросить тень на весь судейский корпус. Но, объективно говоря, надзорные инстанции и кассационные судебные коллегии, связанные корпоративной солидарностью, вряд ли могут быть до конца независимы.

В спорных случаях роль арбитра скорее могла бы играть комиссия из народных заседателей, адвокатов и других граждан, не связанных с судебным корпусом.

АРТЕФАКТ!

(Споры вокруг закона об адвокатуре не прекращаются)

В июле 2001 г. состоялось заседание президиума федерального Союза адвокатов. Практически оно было посвящено одному вопросу: проект Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Архиважный вопрос рассматривался в чрезвычайной ситуации. Проект закона уже принят Государственной Думой в первом чтении. Теперь большинство адвокатов недоуменно спрашивают: как случилось, что проект закона до принятия не обсуждался в адвокатской среде?

Адвокат – процессуальный помощник стороны во всех странах – наиболее почитаемая фигура в обществе в целом, и в правосудии в частности. Профессионал, использующий свои знания и возможности независимого юриста в интересах закона. Ведущий борьбу, с точки зрения защиты, за недопущение неправомерного толкования, а тем более ошибочного применения закона. Это возможно только при полной независимости от непосредственного влияния госструктур на адвокатов.

Мне могут возразить: «Адвокат – такой же гражданин, как и все. Законодатель не обязан согласовывать с ним закон». Полагаю, что именно эта ошибочная точка зрения во многом определяет негативное отношение к адвокатуре. Это отношение, вероятно, побудило даже адвокатскую терминологию исключить из текста «нового закона». Почему «нового закона» в кавычках? Законодатель не смог изобрести велосипед и использовал конструкцию нынешних коллегий адвокатов, но под новыми названиями.

Однако, например, понятие «коллегия» – профессиональное объединение. Ненастоящему адвокату сложно грамотно воспринимать адвокатскую терминологию. Говорят, правда, что кто-то из адвокатов кулуарно приложил свою руку к созданию этого «закона». Но, если иметь в виду, что в законе (ст. 9) предусмотрено участие адвоката в деле «по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора или суда»

(стало быль, адвокат становится младшим сотрудником этих органов), то либо это были лица, ставшие адвокатами сравнительно недавно, либо это были лица, попавшие в коллегии адвокатов по иронии судьбы. И в том и в другом случае они неправомерно воспользовались случайностью, в личных целях использовали ситуацию. Не исключено, что именно такое положение дела привело к столь поспешному и сумбурному принятию проекта закона.

Как иначе можно объяснить то, что начальник правового управления аппарата Госдумы господин В. Исаков 14 июня 2001 г. указывает в своем заключении по проекту постановления Госдумы: «...замечаний по указанному проекту постановления не имеется». А через пять дней 19 июня 2001г. он же в своем заключении по проекту закона по поручению Совета Госдумы от 5 июня 2001 г. констатирует массу замечаний. При этом, очевидно в спешке, путает статьи и сетует на отсутствие в законе права получения гонораров судьями за контроль за адвокатами.

Я уже не говорю о финансово-экономическом обосновании проекта закона, где красной нитью проводится «увеличение штатной численности сотрудников Министерства юстиции РФ и его территориальных органов, организация рабочих мест сотрудников органов юстиции... (обеспечение компьютерной и оргтехники, мебелью, канцтоварами, форменной одеждой, служебным транспортом)» и т. д. Можно только догадываться, какие суммы вновь будут изъяты из опустошенного бюджета (первоначальные огромные суммы указаны в обосновании), какие суммы добавятся из гонораров адвокатов и куда они могут раствориться. Естественно, эти деньги лягут на плечи налогоплательщиков и клиентов, о чем последних не спрашивали.

Вместо того, чтобы усилить роль адвокатуры, расширить права адвокатов, обеспечить гарантиями их деятельность, поднять статус до уровня работников правоохранительных органов, проект закона, фактически, направлен на полное уничтожение проверенной временем концепции адвокатуры. В законе ничего даже не сказано о правопреемстве.

Еще одно яркое доказательство стремления разрушить старый мир и построить новый без оглядки назад, на свою историю.

Наверное, поэтому в постановлении Госдумы от 25 июня 2001 г. в п. 2 сказано: «Направить указанный законопроект Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, комитеты и комиссии Государственной Думы, депутатские объединения в Государственной Думе, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, конституционный суд Российской Федерации, Верховный суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации». А самим адвокатам?

Создается впечатление, что адвокатуры в нашем государстве сегодня не существует. Ведь даже оказание бесплатной юридической помощи в законе четко не прописано. Кто, как, за что, из каких средств, когда и сколько должен будет компенсировать за труд адвоката? В законе это не прописано. В нем говорится о необходимости бесплатной юридической помощи, а об оплате за нее в одном месте записано, что за счет государства, а в другом, что за счет гонораров других адвокатов, но механизм не раскрыт.

Практически в проекте закона нет ни одной статьи, по которой на заседании президиума не было бы высказано существенных замечаний.

Хотелось бы верить, что Президент отзовет для доработки на этой стадии проект Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и над ним потрудятся опытные специалисты в области адвокатуры.

КАК СЛЕДОВАТЕЛЬ РЕШИТ, ТАК И БУДЕТ

Сегодня ни уголовное, ни гражданское право не оставляют никаких лазеек для простых граждан, чтобы самостоятельно добывать доказательства. Согласно

закону люди (точнее, лица) могут лишь отдавать следствию имеющиеся у них улики.

Оценивают доказательства и принимают решения, насколько они важны для дела, судья, прокурор, следователь и лицо, уполномоченное проводить дознание. При этом они основываются только на своем внутреннем убеждении (так гласит Уголовно-процессуальный кодекс РФ).

Насколько это убеждение объективно? Не секрет, что наше следствие почти повсеместно носит обвинительный характер, докопаться до истины для него – дело, как говорится, десятое. Увы, по нынешним законам следователь имеет прекрасную возможность формировать доказательственную базу так, как устраивает только его. К сожалению, на справедливое решение можно было бы рассчитывать, но только в надзорном производстве. После того, как вердикт утверждают все кому положено, надо будет пробиться на прием к руководителям надзорных органов Верховного суда или Генпрокуратуры.

Если удастся доказать им свою правоту, то можно праздновать победу. Но только, если удастся и если тебя захотят услышать. А если нет?..

РАССУДИЛИ... ДО СУДА

Войдя в коридор Зюзинского суда города Москвы, я застал свидетелей по делу возмущенными до глубины души. Оказалось, судья Мартусов подошел в коридоре к судье Абдуллаевой и спросил, как у нее дела с иском Гринберг. Абдуллаева сказала, что со стороны ответчика поехали за какими-то свидетелями. Мартусов не знал, что часть свидетелей уже стоит в коридоре, и наставительно проговорил: «Какие свидетели! Ты прекрасно знаешь, какое должно быть решение. Вот и выноси».

После этого сообщения мне стало не по себе.

Ведь закон предусматривает формирование окончательного мнения по делу, на основе которого выносится решение, только в совещательной комнате, «где могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу» (ст. 193 ГПК РФ).

А тут двое судей, один из которых не имеет в настоящий момент никакого отношения к рассмотрению дела, в коридоре, прилюдно обсуждают явно запланированный результат!

Еще не был допрошен ответчик. Его возражения и пояснения по существу иска еще не были озвучены и услышаны в суде. Основные свидетели просто не вызывались в суд. Материалы дела полностью не исследовались и не могли быть исследованы. В то время суд имел доказательства лишь представленные истицей. Но решение почему-то было уже, фактически, принято!

Случай? Но и вышестоящие инстанции сослались на то, что муниципальному суду, якобы, виднее. Зачем тогда предусмотрены и существуют надзирающие органы?

Кассационные инстанции в основном «штампуют» решения подконтрольных им судов. На надзорные жалобы отвечают, явно не изучая дело по существу. Потому что конкретный порядок приема жалоб, изучения доводов и принятия решений закон жестко не регламентирует. Это позволяет должностным лицам вольно трактовать свои обязанности и права, не утруждая себя «лишней» работой на благо правосудия.

Так, например, приходишь на прием к председателю Мосгорсуда Егоровой, но эта аудиенция, в лучшем случае, второпях сводится к приему жалобы будто бы для изучения. Никакой беседы. Надеяться, что дополнительные аргументы будут восприняты, должностное лицо изучит дело, и справедливость будет восстановлена, наивно. «Изучает» жалобу кто-то другой, и ответ приходит за подписью совершенно другого человека. Спрашивается: зачем тогда личный прием? С таким же успехом жалобу можно послать по почте, заказным письмом, с уведомлением.

Более того! На личный прием к руководителям ведомств не записывают, пока не сдашь жалобу для изучения рядовому сотруднику. И он решает – пустить тебя к начальнику или нет. Чиновники отгораживаются от населения «буферной зоной».

Об истребовании дела можно только мечтать. Иногда, правда, мечты сбываются. Но триумфа правосудию

это не приносит, так как чаще всего в принесении протеста необоснованно отказывают. Ст. 323 ГПК РФ предусматривает приостановление исполнения решения до окончания производства в порядке надзора. Но это отвергают сразу. Здесь уместно заметить, что при отказе в приостановлении исполнения решения вердикт суда может оказаться исполненным. При положительном для жалобщика результате ему останется довольствоваться исключительно бумажной «победой». Ведь тогда реализовать ее зачастую невозможно. Ответственность должностных лиц за такую «деятельность» законом не определена. Поэтому и в Верховном суде РФ даже собственное постановление «О судебном решении» забывают в угоду сомнительной «чести мундира». Можно ли тут требовать точное соблюдение норм права от нижестоящих судов, а уж тем более от граждан? Ведь граждане берут пример с закононепослушных слуг закона.

Аналогичным образом соблюдается «честь мундира» и в органах прокуратуры. Там тоже закрывают глаза на нарушения закона и следят за тем, чтобы не перегружать суды своими протестами. Если в жалобе, например, говорится о нарушениях закона, то трактуется это как стремление дать иную оценку доказательствам.

А если действительно доказательствам дана не основанная на материалах дела оценка? А если доказательства добыты с нарушениями закона?

Правосудие восторжествует в полном смысле этого слова, если в закон будут внесены дополнения, предусматривающие ответственность работников судов за нарушение ими своих профессиональных обязанностей.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕАВИСИМОСТИ

Контроль над судом должен исключить вольное толкование закона.

Суды должны осуществлять судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли. Так говорит Конституция РФ. При осуществлении правосудия оказывать незаконное воздействие на судей или как-то

иначе вмешиваться в правовую деятельность суда – недопустимо. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на то, что в судах работают наши сограждане, воспитанные на менталитете советского человека. Даже молодые судьи родились и воспитывались «в то еще время». Тогда существовало «телефонное право». Бытовало понятие: есть закон, но есть практика его применения. Суды работали с оглядкой и мыслью о том, что скажут «вышестоящие товарищи». Обвинительный уклон преобладал над презумпцией невиновности.

Спора нет! Суд – независимая инстанция, и диктовать ему, что он должен сделать для достижения правосудного результата, нельзя. Однако следует отличать от диктата жесткий контроль за подбором кадров и исполнением своих обязанностей теми или иными должностными лицами. Из этого контроля пока исключено, например, психологическое профессиональное тестирование. Потому количество недобросовестных должностных лиц все еще велико, и от этого страдает правовое положение граждан. Мне думается, что, все ж таки, есть необходимость и способ взять под контроль осуществление своих обязанностей должностными лицами, творящими эту судебную власть.

Во-первых, судьи назначаются по представлению или указом президента. Я убежден, что глава государства вправе и, более того, непременно должен контролировать добросовестность исполнения обязанностей рекомендуемыми и назначаемыми им лицами. Президент несет ответственность за тех, кто по его инициативе становится должностным лицом. Вот почему право на контроль, с моей точки зрения, не может расцениваться как нарушение Конституции.

Во-вторых, одним из членов квалификационных коллегий судей является представитель президента. Полагаю, что он должен быть наделен особыми полномочиями, позволяющими давать решающую оценку, оправдывают ли доверие главы государства рекомендуемые и назначаемые им судьи. Качество исполнения своих обязанностей теми или иными должностными лицами легко проявляется в зависимости от количества и содержания жалоб от граждан.

В-третьих, чтобы исключить вольное толкование закона, необходимо разработать жесткий регламент деятельности судов, где, в том числе, будет законодательно закреплена конкретная ответственность должностных лиц за исполнение своих обязанностей. Граждане должны иметь гарантированные права и возможность защищать законность в случае допущенных со стороны судей нарушений, в чем бы они ни заключались.

АБСОЛЮТНЫЙ ПОРОГ В НАКАЗАНИИ

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики...

Судья зачитывает приговор. В зале судебного заседания напряженная тишина. Я смотрю на подсудимого. Пока пересказывается существо уголовного дела, называются статьи, излагаются доказательства, лицо его бесстрастно. Но вот читаются заключительные строки – об избрании меры наказания. Эту часть приговора он слушает настороженно. И вдруг улыбка трогает губы подсудимого. Глубоко и облегченно вздохнув, он трет ладонью лоб, виски: не ослышался ли? Затем весело смотрит в зал, где сидят свидетели, родственники. Глаза блестят. Он не скрывает своей радости. Видимо, ждал иного. Приговор для него – приятная неожиданность. Словно подарок...

Сложился определенный стереотип мышления: если приговор, то непременно с чрезмерно суровым наказанием. Будто суд только тем и занят, как бы построже, посуровее, прямо таки на грани необъективности (а то и за этой гранью) покарать порок, наказать преступника.

Отнюдь. Из многолетней личной практики знаю, сколь не прост, нередко мучителен поиск оптимальной (справедливой) меры наказания. Это, пожалуй, самый сложный момент любого судебного разбирательства, синтезирующий все доводы, вытекающие из состязания участников процесса. Прокурор, защитник выложили на чаши весов свои аргументы и пребывают в ожидании решения. Фемида без погрешностей должна взвесить все «за» и «против».

Кто поможет ей в этом? Закон? Естественно. Но как применить его без малейших колебаний? Как безошибочно учесть все тонкости и нюансы? Вот тут-то и приходится вспомнить о судебной экспертизе, назначение которой предусмотрено ст. 78 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик.

Арсенал средств установления истины в уголовном судопроизводстве скудным не назовешь. Их немало. В то же время они требуют постоянного совершенствования и развития. Например, суд может опереться на судебно-психологическую экспертизу, активно используемую в нашей стране еще в 20-е годы. Однако она оставила по себе неоднозначную память. Эксперты-психологи проявляли тенденцию выходить за пределы своей компетенции и вторгаться в вопросы правового характера. Это стало одной из причин негативного отношения к данной экспертизе. И все же, в уголовном процессе, на любом этапе которого в центре внимания находится человек со всеми индивидуально-психологическими особенностями, их недооценка усложняет поиски истины.

Практически без оценки этих особенностей обойтись нельзя. И они учитываются следователем или судом. Но на основе профессионального и житейского опыта. К сожалению, не всем это доступно. И вот тогда особенно остро ощущается потребность в проведении судебно-психологической экспертизы, которая исследует главным образом проявления психики человека, не выходящие за пределы нормы. Причем привлекает внимание, например, направленность исследования на анализ индивидуального сознания в момент совершения поступков. И это крайне важно для точного определения меры наказания.

Психологические аспекты при рассмотрении уголовных дел в суде начали интересовать юристов еще в девятнадцатом веке. В России первая попытка проведения судебно-психологической экспертизы относится к 1883г. Или, вот, А.Экмекчи в статье «О судебно-психологической экспертизе», опубликованной более двадцати лет назад, вспоминает, что еще в 1901 г. известный русский процессуалист, профессор Л. Влади-

миров настойчиво заявлял о необходимости введения психологической экспертизы в суде. Эту мысль не раз выражали лучшие отечественные судебные ораторы, глубокие знатоки психологии А. Кони, В. Спасович, С. Андриевский.

В наше время в судебной практике психологической экспертизе отводится весьма незаметная роль. Кое-кто из юристов нет-нет, да и вспомнит о необходимости привлечения психологов к проведению экспертизы в суде. Однако дальше этого дело не идет из-за непонимания важности этой процедуры.

Ну, а как в мировой юриспруденции? Может быть не мы одни отвернулись от такой экспертизы? Оказывается, нет. В ряде развитых стран юристы давно и все-рвез взяли на вооружение психологическую науку и, в частности, судебно-психологическую экспертизу. США, например, располагают довольно широким выбором специалистов в этой области знаний: около 200 тыс. психологов (у нас – 4.5 тыс.). В уголовной юстиции Франции активно развивается институт социального, психологического и психиатрического анкетирования. Причем психологический подход в судебной системе начинается с назначения судьи. Производится оценка его характера, наклонностей, привычек и т. д. В Венгрии на преступника заводится психологическое досье. В Польше по отдельным категориям дел предусмотрено обязательное участие эксперта-психолога.

Вопрос о целях и мерах наказания не остался без внимания ООН. Там обсуждалось, что нужно сделать для активного и целенаправленного педагогического и психологического воздействия на личность осужденного назначенным наказанием. Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней неоднократно рассматривал вопрос о видах и целях наказания. И это естественно. Чем более суровое наказание грозит преступнику, тем более полным должны быть юридические гарантии (и среди них – психологическая экспертиза) на всех стадиях уголовного процесса, особенно судебной. Вероятно, именно психология восприятия преступником всего того, что происходит с ним после совершения

преступления, вызвала интерес Института социальной защиты ООН. Так, важное значение придается даже архитектуре тюремных зданий в деле перевоспитания и исправления преступника.

Должны быть предусмотрены все возможные меры (коли человек попал на скамью подсудимых), чтобы предупредить хотя бы рецидив преступления, избежать психологического надлома, сохранить для общества психологически здорового гражданина. У преступника происходит осмысление происшедшего. От того, какое решение примет суд от имени государства, он будет судить об отношении государства к нему. Следовательно, государство должно быть заинтересовано в создании безукоризненной правовой системы и ее восприятия гражданами.

В то же время отсутствие четкой методики оценки заключений экспертов-психологов препятствует практическим работникам иметь ясное представление о предмете психологической экспертизы. Мы не отказываемся от проведения судебно-медицинской, бухгалтерской, криминалистической, автотехнической, психиатрической экспертиз. При этом судебно-психиатрической экспертизе поручается изучение вопросов, имеющих отношение исключительно к компетенции психологов.

Давно уже установлено, что психология и психиатрия – самостоятельные области знаний. Сами психиатры при постановке диагноза нередко привлекают психологов. Стало быть, врачи понимают, что каждый специалист более квалифицирован и компетентен в своем деле, в своей области знаний.

Выводясен: личность, диагностика ее индивидуально-психологических особенностей подлежат компетенции только эксперта-психолога. Поскольку понятие «правонарушитель», «преступник» включает в себя и понятие «личность», суд должен изучать все особенности личностных реакций на правонарушение (арест, наказание и т. д.), чтобы назначить ему строго индивидуальное, целесообразное, справедливое наказание. Изучение реакции личности на правонарушение и наказание за него важно и в педагогических целях.

Перед судебно-психологической экспертизой никогда не ставилась и не могла ставиться задача о назначении наказания. Это дело суда. Однако результаты экспертизы – неоценимая помощь суду в установлении истины и выработке правильного, взвешенного решения о мере наказания. Восприятие им назначенной меры наказания, как возмездия за совершенное преступление, не самое ли главное в любом судопроизводстве? В принципе здесь обоюдоопасны отклонения в любую сторону. Необходимо тонко чувствовать так называемый абсолютный порог.

Понятие «абсолютный порог» существует в психологии, основанной немецким ученым Густавом Фехнером. Психологи считают, что абсолютный порог – разновидность известного в физике сенсорного порога и означает такую величину раздражителя, превышение которой вызывает лишь ответную обостренную реакцию, а занижение приводит к тому, что он просто перестает восприниматься. Понятие сенсорной системы – синоним понятия «анализатор», термина, введенного академиком И.Павловым для обозначения нервного аппарата восприятия, анализа и синтеза раздражителей.

Как видим, здесь можно провести некоторую аналогию и с назначением наказания в судопроизводстве, поскольку оно также своего рода раздражитель для осужденного с целью запрета рецидива, профилактики против нового нарушения закона.

Проблема оптимального применения наказания всегда стояла перед судом. Прокурор просит суд назначить наказание с точки зрения обвинения. Адвокат – с точки зрения защиты. Да простят мне юристы примитивизм рассуждений, но от сложившейся практики не уйдешь. Суд, как правило, обращает больше внимания на прокурорские сентенции, «скинув» иногда полгода или год, если посчитает, что адвокат действительно хорошо поработал по делу.

Между тем, назначить чрезмерно мягкую меру наказания виновному – не достичь требуемого восприятия. Слишком суровое наказание, наоборот, вызывает у осужденного озлобление, панический страх, холодную же-

стокость. Он перестает верить в справедливость закона, считает, что жизнь кончена, а это тем более притупляет самоконтроль, деморализует. В таком состоянии – один шаг до повторного преступления, рецидива. Так, порой, деградирует личность. Об этом говорилось не раз. Но что практически делается для изменения положения?

Сейчас все решает субъективный подход суда. Суд же состоит из живых людей, а не из роботов, где можно было бы успешно применять сенсорную систему и достигать максимально точных результатов. Вот почему возникает необходимость создания в судебном процессе дополнительной ступени перед назначением наказания. Специалисты с профессиональной точки зрения дали бы исчерпывающие рекомендации при назначении наказания. Может быть, необходимо предусмотреть участие экспертов-психологов со стадии предварительного следствия, когда решается вопрос об избрании меры пресечения (в частности, заключения под стражу). И уже срабатывает психологическое восприятие этого акта правонарушителем.

Еще более сложный процесс – назначение наказания при осуждении группы преступников. Юристам известно, что в таких случаях среди них непременно есть организатор – вожак, подстрекатель, более или менее активный соучастник, а также случайно оказавшийся в их среде, втянутый и т. д. Здесь крайне важен дифференцированный подход к участникам преступления. И тут уж никак нелишне обратиться к мнению специалистов. Допускаемые же ныне судами ошибки в подобных уголовных делах могут причинить непоправимый вред.

Недавно, например, Гагаринским районным народным судом Москвы были осуждены Раевских и Гладышев. По делу было бесспорно установлено, что Раевских являлся организатором и активным участником преступления. Гладышев же только по указанию Раевских помогал последнему в совершении преступления, но сам не проявлял активности. Однако наказание было назначено обоим одинаковое.

Будет ли достигнута цель наказания? На такие вопросы могли бы с достаточной компетентностью ответить

специалисты. К сожалению, пока законодательством не предусмотрены реальные меры, направленные на достоверное познание личностных качеств участников преступления.

Абсолютный порог при назначении меры наказания все еще остается недостаточно изученным, далеко не всегда учитывается и взвешивается. Вероятно, эту проблему следовало бы разрешать при разработке и принятии законодательства.

ПРЕЗУМПЦИЯ БЕЗНАКАЗАННОСТИ

Она пролоббирована коррупционерами и криминалом

Сегодня, когда дело доходит до ответственности чиновников, должностных лиц или толстосумов за содеянное, сразу начинают демагогически призывать к либерализации наказания. Мэр прикарманил миллионы, а его судят за превышение полномочий. Изобретателю знаменитой финансовой пирамиды дают пять лет... Либеральные законы лоббируются кругами, заинтересованными в системе безнаказанности для коррумпированной элиты.

Раньше статья 147 УК РСФСР состояла из трех частей и две из них предусматривали конфискацию имущества. Нынешняя статья 159 УК РФ содержит четыре части, но, ни одна из них, эту меру не предусматривает. Естественно, заложили такую «норму» те, кто наперед позаботился о смягчении возможной кары для себя и себе подобных и сохранения несправедливо нажитого.

Требуются огромные усилия, чтобы вынудить правоохранительные органы возбудить уголовное дело по статье 159 УК РФ. Правда, обольщаться и в этом случае не стоит. Рассчитывать на правомерный результат зачастую не приходится.

В следственное управление при УВД Южного административного округа Москвы поступило заявление от гражданки Украины. В нем она указала, что некая Н. Мишина причинила ей существенный вред своими мошенническими действиями. Уголовное дело возбудили. Но ничего не предприняли для выяснения истины.

Одновременно объявились еще пострадавшие от действий Мишиной. Установило их не следствие (как должно быть!), а объявились они сами. Узнав случайно об уголовном деле, написали заявление в милицию. Но работники следствия категорически отказались от проверки по их заявлению. Только после вмешательства прокуратуры соизволили принять заявление и... сделали все, чтобы похоронить правовой результат. Ну, а Мишина? Улыбается своим жертвам в лицо и заявляет: «Вы все равно ничего не сможете мне сделать». Она, видимо, знает о чем говорит.

Презумпция безнаказанности способствует тому, что мошенничество, в том числе создание строительных и финансовых пирамид, стало для махинаторов безопасным бизнесом. В нем участвуют чиновники и сотрудники правоохранительных органов. Так, ЗАО «Инвестиционная компания «Дружба», не имея документов на отвод земли, согласованных проектов строительства жилых домов, собрало огромные денежные средства с более чем четырех тысяч инвесторов под предлогом предоставления им квартир в 2003–2005 годах. Но, ни жилья, ни возврата денег с компенсацией причиненного вреда в полном объеме пайщики так и не дождались.

Теперь в ЗАО отговариваются тем, что сама компания не является строительной фирмой, а на подрядчиков у них нет, якобы, рычагов влияния, а те предполагают сдать объект, возможно, только в 2009 году. В таком случае, рассчитайтесь с пайщиками за неисполнение договора, а с подрядчиками сами разбирайтесь. Но, все обращения инвесторов за помощью в различные инстанции, в том числе правоохранительные органы, попросту игнорируются. Им лишь выдают формальные отписки с извещением о том, что все их жалобы направлены в архив «для приобщения». Работники компании уверены в своей неуязвимости: «Наш владелец – высокопоставленное лицо».

Можно привести и еще немало примеров, из которых видно, что масса лиц, причастных в той или иной степени к наведению правопорядка в стране, вместо того, чтобы регламентировано осуществлять свои функ-

ции, создают условия для нарушения норм права. К ним в первую очередь имеют отношение судьи, прокуроры, следователи, чиновники и другие работники, которые используют свое служебное положение и прикрываются им.

Федеральный закон, например, предусматривает право адвоката собирать доказательства. С этой целью защитники направляют, в том числе, запросы. Но далеко не всегда удается получить на них ответ. Важные персоны просто не хотят отвечать. В нарушение всех норм права издаются внутренние приказы, распоряжения, ограничивающие закрепленные Федеральным законом права адвоката. В этой ситуации ущербно смотрится отсутствие в законе положения о реальной безоговорочной ответственности должностных лиц за подобные действия.

У нас в большинстве учреждений нет должностных инструкций. А вот в других странах они есть, и это не позволяет избежать ответственности за их нарушение. Поэтому Госдуме и правительству необходимо принять комплекс мер, которые бы исключили безнаказанность «вельмож» за нарушение норм права, а тем более при совершении ими преступления. В числе мер можно предусмотреть специальное тестирование на профпригодность, реальное обеспечение неизбежности наказания за коррупцию, законодательное закрепление ответственности за уклонение от выполнения обязанностей должностными лицами на всех уровнях, восстановление системы контроля за работой чиновников, следователей, судей.

Немаловажно и то, чтобы депутаты, принимая тот или иной закон, исчерпывающе комментировали его толкование, применение, исключили несоответствие одного закона другому и контролировали исполнение, дабы пословица «Закон, что дышло – куда повернешь, туда и вышло» сохранилась в памяти людей только как народный фольклор.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ «ПРЕДУСМОТРЕНА» ЗАКОНОМ

*«Есть средства бороться с преступлениями: это – наказания.
Есть средства для изменения обычаев: это – примеры».*

Ш. Монтескье.

В следственную часть следственного управления при УВД ЮАО г.Москвы поступило заявление от гражданки Украины о том, что в отношении нее совершены мошеннические действия Н. П. Мишиной. Поскольку заявление поступило от иностранной гражданки, то по факту заявления уголовное дело возбудили, но не в отношении Н. П. Мишиной. Длительное время ничего не предпринимали для достижения правового результата по делу. Одновременно объявились еще потерпевшие от действий Н. П. Мишиной. Причем не следствие (как должно было быть!) установило этих потерпевших, а они сами, узнав случайно об этом уголовном деле, написали заявление и принесли его следователю. Работники следствия категорически отказались принимать заявление. Только вмешательство прокуратуры вынудило работников следствия УВД ЮАО г.Москвы принять заявление от дополнительно появившихся потерпевших. Между тем и по этому заявлению следствие сделало все, чтобы «похоронить» правовой результат. Дошли даже до того, что искусственно «разорвали» эти два заявления и одно из них направили в СЧ СУ при УВД ЮЗАО г.Москвы, где о нем благополучно забыли. Были сведения, что есть ещё потерпевшие, но этим никто не захотел заниматься. Ну, а Н. П. Мишина улыбается и заявляет: «Вы все равно ничего не сможете мне сделать».

Закон имеет власть повелевать, запрещать, разрешать и наказывать.

Поскольку человек – есть не что иное, как ряд его поступков, то надо помнить, что назначение законов – охранять от того, что люди могли бы сделать, а не выжидать, что они сделают. В процессе реализации закона немаловажную роль играет заслуживаемое соразмерное наказание, которое должно вызвать у преступившего закон угрызения совести за содеянное. А угрызения

совести начинаются там, где заканчивается безнаказанность. При этом надежда на безнаказанность и назначение неоправданно малого наказания, что, по сути, – безнаказанность, представляет собой постоянное искушение к совершению преступлений, а порой к повторным и более тяжким.

Сегодня все чаще появляется информация о потерпевших по тем или иным поводам людях. Преимущественно это обманутые мошенническим путем граждане. У кого-то может сложиться впечатление, что мошенничать стало обычаем для проживающих на территории нашей страны.

Между тем, разумеется, случаются и другие правонарушения. Но до тех пор, пока нормы права будут предусматривать за совершение преступления неадекватное назначение наказания, а то и вовсе преступники будут оставаться безнаказанными, мы не сможем ожидать в настоящее время правомерного поведения от криминализованной части населения.

В чем причины и как с этим явлением бороться?

Конечно, сейчас модно говорить о либерализации законодательства. Однако нельзя забывать: щадя преступников, наносится вред честным людям.

Леонардо да Винчи сказал: «Кто не карает зла – тот способствует его совершению».

Разумеется, необходим взвешенный подход к применению наказания. Но нельзя доводить этот подход до абсурда, ссылаясь на своеобразную ментальность нашего населения по любой причине. Когда же касаются вопросов ответственности за содеянное, то сразу начинают демагогически призывать к демократизации подходов, толерантности, вспоминать о «полицейском» прошлом нашей страны и о многом другом. Некоторые группы лиц настаивают на смягчении наказания или вообще исключении статьи из практики применения в законодательстве.

Чем это вызвано?

Один из выводов напрашивается сам: лоббируется такое мнение «кругами», заинтересованными в существовании системы безнаказанности. Увы! Но как бы крити-

чески мы не относились к прошлому нашего государства, а правопорядок в нем поддерживался явно с большим успехом, чем сегодня. Действовавшее тогда законодательство предусматривало такое наказание за содеянное, которое играло в этом значительную роль. (Кстати, была возможна ответственность и должностных лиц.)

Судите сами.

Сравним, например, наказание за совершение мошеннических действий. Раньше ст. 147 УК РСФСР состояла из трех частей и две (!) из них предусматривали конфискацию имущества. Нынешняя ст. 159 УК РФ состоит из четырех частей, но ни одна из них не предусматривает конфискацию имущества. Вывод? Можете обогащаться путем мошеннических действий и не беспокоиться, что несправедно нажитое у Вас изымут. Более того! Многие иные аналогичные преступления при определенных условиях можно и пытаются трактовать, хотя и с «натяжкой», как мошеннические действия. Вы спросите: «А за чем?». Ответ прост. Требуются огромные усилия, чтобы заставить правоохранительные органы возбудить уголовное дело по ст. 159 УК РФ. Правда обольщаться даже в случае возбуждения уголовного дела не стоит. Шанс дожидаться правомерный результат у Вас все равно невелик. Порой приходится думать о том, как «стимулировать», например, следователя, чтобы он, профессионально выполнил свою обязанность. Причем многие доказательства приходится добывать адвокату.

Поэтому мошенничество и возникновение различного рода строительных и иных «пирамид» стало сверхприбыльным «бизнесом». В нем участвуют и некоторые чиновники и даже некоторые сотрудники правоохранительных органов. На такой вывод наталкивают приводимые сюжеты.

Так, например, ЗАО «Инвестиционная Компания «Дружба», как стало известно, не имея отвод земли, согласованные проекты на строительство жилых домов и другие необходимые документы, де-факто безосновательно собрало огромные денежные средства с более, чем четырех тысяч инвесторов под предлогом строительства дешевого жилья и предоставления инвесторам

конкретных квартир в конкретных домах в 2003–2005 г.г. Но ни жилье, ни возврат денег с компенсацией причиненного вреда в полном объеме горе-инвесторы так и не дождались. Теперь в компании декларируют, что сама компания не является строительной фирмой, а на строителей у них нет, якобы, рычагов влияния и сегодня строители предполагают закончить строительство объекта, возможно, только в 2009 г. Все обращения инвесторов за помощью в различные инстанции, в том числе в правоохранительные органы, пока остаются без должного внимания. Им лишь посылаются формальные отписки с извещением о том, что все их обращения направлены в архив для приобщения друг к другу. Вот такая реакция на беду граждан!

Примечательно, что в ОБЭП УВД по ЦАО г.Москвы признают наличие в материалах проверки сведений о фактах незаконного строительства и предпринимательства. Но проводить расследование в интересах обманутых инвесторов никто, видимо, не собирается. ПОЧЕМУ? Большой вопрос.

А в офисе компании улыбаются и приговаривают: «Наш владелец – высокопоставленное лицо». Так ли это? Но данный факт не звучит успокаивающе, так как тут же бессовестно начинают предлагать внести еще дополнительную кругленькую сумму. Ничего определенного при этом не обещают. Но угрожают расторжением договора в одностороннем порядке при отказе внести дополнительные взносы. На возврат суммы вынужденно соглашаются лишь в объеме, внесенном при подписании введенными, фактически, в заблуждение инвесторами договора об инвестиции и только после продажи виртуальных квартир в случае появления других инвесторов.

А моральный, материальный и иной причиненный инвесторам действиями компании вред кто будет возмещать? И как это сможет и будет ли оценивать порой «справедливый» наш суд?

Конечно, надежда умирает последней и хочется верить, что Государство в лице хотя бы суда, наконец, начнет выполнять свою обязанность по защите своих граждан.

Но пока чаще всего на деле почти всякий раз все оборачивается серьезными неприятностями для самих граждан. Соответственно и у граждан формируется не очень радостное отношение к такому государству и его Закону.

К сожалению, правовая культура в России оставляет желать лучшего, да и не должны все быть «сами себе юристами». Человек не виноват в том, что он не умеет грамотно, в соответствии с нормами права оценить ту или иную ситуацию, то или иное действие. Когда гражданин оказывается обманутым из-за своей юридической безграмотности, виноват не он. Виновато государство! Оно обязано следить за тем, чтобы намерения граждан вписывались в рамки закона. Меркантильные интересы одних не должны удовлетворяться за счёт законных интересов других. За этим в первую очередь обязано следить Государство через свою правоохранительную систему. Собственно, именно для этого, в том числе, человечество придумало это Государство.

К сожалению, многие должностные лица, причастные в той или иной степени к наведению правопорядка в нашем государстве, вместо того, чтобы регламентировано осуществлять свои функции, создают условия для безнаказанного нарушения различных норм права. При этом к категории таких лиц имеют в первую очередь прямое отношение судьи, прокуроры, следователи, чиновники и другие лица, которые олицетворяют и представляют государство.

В силу своего служебного положения они обязаны своим личным примером и всеми своими возможностями и способностями максимально воздействовать на осознание простыми гражданами исключительного правопослушания.

Однако закон не содержит четкого понятия ответственности за недобросовестное исполнение или неисполнение своих должностных обязанностей перечисленной выше категорией лиц. Но, если они не начнут сами иллюстрировать отношение к делу показывать неуважительность торжества законности, то все призывы к соблюдению Закона – тщетны.

Да и как можно требовать соблюдение Закона, если это требование, подчас, не подкреплено самим законодательством. Закон, например, предусматривает право адвоката собирать доказательства. С этой целью адвокаты направляют, допустим, запросы. Но далеко не всегда удается получить на них ответ. В одном случае просто не хотят отвечать. В другом – ведомства в нарушение норм права издают внутренние положения, ограничивающие права адвоката, и при таких обстоятельствах сотрудники этих ведомств, опасаясь быть уволены за неисполнение внутренних приказов, распоряжений, инструкций, отказывают в ответе. Адвокатура в нашей стране, в отличие от других цивилизованных стран, всегда была не в фаворе. Но, если мы хотим укрепления имиджа правоохранительной системы, то должны в корне менять отношение и подход к институту адвокатуры, к самой адвокатуре и непосредственно к адвокатам. Потому подобные ограничения – не в пользу отправления правосудия. И в этой ситуации ущербно смотрится отсутствие в Законе реальной безоговорочной ответственности за отказ в выполнении требований адвоката, а в данном случае в ответе на запрос.

Так, например, на жалобу адвоката прокуратура САО г. Москвы сообщила, что следственные действия СО при УВД САО г. Москвы признаны незаконными и виновные лица привлечены к строгой дисциплинарной ответственности. Адвокат сделал запрос в прокуратуру с просьбой сообщить кто, за что, когда и как был наказан за производство этих незаконных действий. Запрос адвоката остался без ответа. Должностные лица, полагаю, воспользовались тем, что меры воздействия на них за оставление запроса без ответа чётко не прописаны.

Несомненно, и адвокаты должны отвечать за осуществление своей деятельности, в том числе, если они направляют запросы, например, не вытекающие из интересов защиты по конкретному делу или если запросы направляются не по делу, находящемуся в производстве этого адвоката, если, конечно, он ни направляет свой запрос с целью выяснения необходимости своего участия в деле. Но, в отличии от госслужащих, в отношении

адвоката законодатель предусмотрел не столько права, сколько обязанности, которые регламентируют деятельность адвоката.

Кстати! Тех работников правоохранительной системы и должностных лиц разного ранга, которые не выполняют свои должностные обязанности, а то и допускают противоправные действия, можно было бы отнести к числу мошенников. Ведь они, приступив к исполнению своих должностных обязанностей, априори принимают на себя обязательства по достижению конкретных положительных для общества результатов своей деятельности. Население надеется на это и верит в это. На самом же деле эти должностные лица не только не стремятся к правомерным результатам, но и, порой, уклоняются от добросовестного выполнения своих обязанностей, будучи уверенны в своей неуязвимости, безответственности и вседозволенности.

Здесь могут возразить: «Какое имеет отношение мошенничество к непосредственной деятельности чиновников и других должностных лиц в различных сферах нашей жизни?». Мошенники тоже обещают благостный результат от своих действий, а когда подходит время показать этот результат, придумывают массу отговорок, почему у них, якобы, не получается выполнить обещанное. Безусловно, напрямую бросать упрек в адрес должностных лиц о совершении ими мошеннических действий – сложно. Казалось бы, можно ли назвать мошенником, например, чиновника, который подписал, согласовал, зарегистрировал, одобрил какой-либо документ и не проконтролировал его исполнение? Ведь этот чиновник всегда сошлется на отсутствие в его обязанностях контроля за исполнением. В настоящее время действительно забыта весьма полезная практика прошлого периода. Тогда принимаемые на работу знакомились с должностной инструкцией, подписывали ее, признавая тем самым, что знают свои обязанности и права, в том числе, и по контролю за исполнением. Эти инструкции были далеки от совершенства. Но в большинстве случаев даже такие инструкции у нас сейчас отсутствуют. В цивилизованных

же странах давно существуют подробнейшие должностные инструкции, которые не позволяют избежать ответственность за те или иные даже малые отклонения от их исполнения.

Между тем – это всего лишь повод для самооправдания. Вероятно, рано было отпускать «вожжи», коли мы не готовы к самоконтролю или попросту намеренно не хотим его. Намеренно или нет, а существует в законе понятие эвентуального умысла, которое говорит о том, что лицо обязано было осознавать последствия. Есть не применяемое понятие: аналогия закона. В конечном счете, кроме четкого содержания норм права, одним из основных условий достижения исключительно правового результата является профессионализм, основанный на внятном правовом мышлении и понимании единственно законного решения.

Поэтому, чтобы мы не вступали в будущее, пятясь назад, необходимо принять комплекс мер для изменения сложившегося положения, при котором действует порочная практика подчас противоправного субъективного толкования, применения и исполнения законодательства. Ассортимент таких мер различен. Специальное тестирование на профпригодность. Воссоздание должностных инструкций, отвечающих нынешним потребностям. Законодательное закрепление ответственности за недобросовестное выполнение или уклонение от выполнения своих обязанностей всеми должностными лицами на всех уровнях. Усиление, в некоторых случаях, наказания до необходимых мер за содеянное. Восстановление системы контроля за делопроизводством и работой должностных лиц, способствующей, но не мешающей указаниями по функционированию в каждом конкретном эпизоде при осуществлении их деятельности. И т. д.

Немаловажно и то, чтобы Законодатель, принимая тот или иной закон, исчерпывающе комментировал его толкование и применение и контролировал его исполнение, дабы чисто русская пословица: «Закон – как дышло: куда повернешь, туда и вышло», – сохранилась в памяти людей только, как фольклор.

Таким образом, изменится кадровая политика, благодаря которой начнет обновляться кадровый состав и, стало быть, появится надежда на радикальное качественно положительное трансформирование работы правоохранительной системы, чиновничьего корпуса, других организаций и учреждений, поскольку каждый будет помнить о неукоснительной той или иной ответственности перед законом и обществом за свою деятельность.

ТЕСТИРОВАНИЕ МОЖЕТ ПОМОЧЬ СОБЛЮДЕНИЮ ЗАКОННОСТИ

Из-за неприменения в нашей стране признанной и проверенной на практике во всем мире системы психологического профессионального тестирования при допуске специалиста к непосредственной деятельности в юриспруденции ожидать от работников правоохранительной системы всех уровней квалифицированный подход к достижению истинно правового результата мы можем далеко не всегда. Поэтому я убежден в необходимости внедрения такого тестирования.

К сожалению, еще многие чиновники препятствуют введению специального профессионального тестирования. Среди противников особое сопротивление оказывают лица, достигшие «критического возраста». Но они заблуждаются в том, что из-за возраста, якобы, могут получить отрицательный результат и их в итоге уволят. Эти страхи необоснованны. Ученые давно установили, что некоторые 80-летние могут выполнить тест лучше иных 20-летних.

Есть два разных понятия: 1. Хронологический возраст; 2. Физиологический возраст. Индивидуальные различия внутри любого возрастного уровня намного превосходят средние различия между двумя возрастными уровнями, вследствие чего распределения показателей у представителей разных возрастов существенно перекрываются. А это означает, что можно найти немало пожилых людей, выполняющих тесты наравне с молодыми, а кое-

кто из пожилых может превзойти молодых. Кроме того, углубленные исследования лиц преклонного возраста, перешедших 70, 80 и 90-летний рубеж, показывают, что функционирование интеллекта и работоспособность гораздо сильнее связаны с физиологическим возрастом, то есть состоянием в данный момент здоровья конкретного человека, чем с его хронологическим возрастом. Здесь огромное значение имеет его психика, психология и иные характерные лишь ему качества.

Что такое психологический тест? В сущности, он представляет собой объективное и стандартизированное измерение тщательно отобранных образцов поведения индивидуума. В этом отношении психолог идет почти тем же путем, что и биохимик, делающий свои заключения о составе крови пациента или качестве питьевой воды в микрорайоне на основе анализа одной или нескольких взятых им проб. Повседневная жизнь обязывает точно формулировать и выполнять минимальные квалификационные требования к человеческой деятельности в самых различных областях, а уж тем более в юриспруденции. Особое значение имеет акцент на развитие текущего самоконтроля и самокритики, как условий эффективной повседневной деятельности. Объективная оценка профессионалом своего уровня деятельности и осознание того, что ему понятно и что непонятно, представляет собой первый шаг к улучшению своих результатов. Важно охарактеризовать внутренний мир человека. Выявить каковы: стремление человека к достижениям, его способности, мотивы, чувства, характер, настойчивость, система ценностей, непереносимость свободы, жажда самоутверждения, лидерства и власти, агрессивность, реакционность, стереотипность мышления, конформизм, ненависть к интеллигенции и людям из других этнических групп, умение освободиться от затруднений эмоционального порядка и комплекса неполноценности, могущего проявляться в неадекватных реакциях. Причем в наибольшей степени эти параметры касаются работников правоохранительной системы. Есть и другие характеристики, традиционно связываемые с понятием «личность». «Личность» – человек, достигший высоко-

го психологического уровня, обладающий совокупностью устойчивых психологических свойств, от которых зависят его поведение в обществе, среди людей, его поступки и социальные установки, отношение к Закону. При этом человек не рождается «личностью», а становится. Кстати воздействие временных эмоциональных состояний на текущую деятельность человека давно и надежно установлено учеными. Особое внимание исследованию, так называемой, организованной и неорганизованной психики, инстинктам человека, его восприимчивости и реакции на внешнюю реальность уделял З.Фрейд. По его мнению, перечисленные выше характеристики человека формируются с детства и зависят от того, в каких условиях он жил, рос, воспитывался и учился. К 6-7 годам основные личностные черты человека считаются сформированными и остаются в основном неизменными в течение всей жизни. Выявить те или иные качества становится возможным благодаря специальному профессиональному тестированию.

Тест – англоязычное слово, означающее «испытание», «проба», «проверка». Это стандартизированная методика, предназначенная для оценки того или иного свойства, группы свойств и т. п. В настоящее время насчитывается более 3 тыс. разнообразных психологических тестов, нацеленных на диагностику психологических процессов, состояний и свойств человека, а также человеческих отношений. Для примера: тест жизненной цели – психометрический опросник, включающий в себя двадцать вопросов, ответы на которые оцениваются по семибальной системе, и направленный на оценку жизненной цели; тесты на внушаемость – основаны на оценке и измерении реакции человека на прямое внушение; тесты аппаратурные – предполагают использование специальной аппаратуры, приборов, технических устройств, которые могут употребляться для разных целей; тесты личностные – предназначены для оценивания человека как личности в целом и для диагностики уровня развития отдельных качеств личности. И т. д.

Между тем, тестирование сродни обычному обследованию и может варьировать в зависимости от его це-

лей. Так, например, как мне известно, при МВД и других структурах созданы лаборатории психофизиологического тестирования, ОБВК, центры диагностики и т. п. Но прошедшие через такого рода обследования работники убеждены, что их проверяли всего лишь на «честность» перед начальством. Видимо не последнюю роль в этом играет «детектор лжи», применяемый, как говорят, во время обследования. Однако осуществляемое сегодня обследование вряд ли, с моей точки зрения, можно назвать специальным профессиональным тестированием, т. к. оно не может принести желаемый результат, поскольку неспособно выявить основные личностные качества, которыми должен или не должен обладать работник правоохранительной системы. Работник правоохранительных органов играет важнейшую социальную роль в обществе, которая должна включать в себя психологические установки человека и внешние формы их проявления, характерные именно для данной роли. Специфика заключается в том, что представителю Закона надлежит обладать высшими психологическими свойствами, характерными исключительно ему. Это такие свойства, как, например, воля, сознание, совесть, мораль, цели, ценности и смысл жизни. Поэтому я говорю об иной категории обследования, ориентированного на радикальное изменение кадровой политики качественно нового уровня.

Действующее сегодня обследование, конечно, помогает определить профпригодность конкретной направленности, исходя из того, какого психофизиологического состояния претендента, требуемое в той или иной службе, куда он принимается на работу.

Но результаты такого обследования можно сравнить с выводами суда по одному делу. В госпитале ветеранов ВОВ имеется реабилитационное отделение для соматических больных, которые не страдают психическими заболеваниями и не наблюдаются в ПНД из-за отсутствия необходимости. Порой попадают туда для реабилитации после перенесенного инфаркта. В силу физиологического состояния здоровья и возраста у них иногда бывают перемежающиеся, т. е. коротковремен-

ные, соматические /а не психические/ обострения. Но судья Зюзинского суда г. Москвы Абдуллаева, вопреки доказательств адекватности личностных установок, не исследовав психологическое состояние человека на момент совершения им действий, игнорируя объективные данные, он, например, попал в реабилитационное отделение после перенесенного инфаркта, признала его не осознававшим происходящее в связи лишь с нахождением в этом отделении и сославшись на полученное с грубейшими нарушениями Закона заключение экспертизы, отказав в вызове в суд экспертов и проверки их заключения в суде. Причем ее поведение и отношение к делу возмутило даже свидетелей, и они стали жаловаться на нее. Вышестоящие инстанции, явно психологически не готовые к деятельности, продиктованной буквой Закона, а не защитой «Чести мундира», но, будучи психофизиологически здоровые, занимаются лишь формальными отписками.

Вместе с тем, получив представление о психофизиологическом состоянии человека /две ноги, две руки и т. д./, нет характеристики его идеологической подготовки. Меня могут обвинить. «Опять об идеологии?». Да! Работник правоохранительной системы не может находиться вне идеологии по определению. Само Законодательство – идеология. Только свято чтящий Закон, грамотный, идейно устойчивый человек способен неукоснительно и точно применять и исполнять нормы права, невзирая ни на что и ни на кого, при этом ревностно блюдя личную и профессиональную честь, честь Правосудия, а не «честь мундира».

В последнее время произошло много трагических событий, заставивших нашего Президента обратить внимание на кадровую политику силовых структур и правоохранительной системы. В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно критиковал несовершенство подбора кадров.

Поэтому я полагаю, что с целью тщательного комплектования штатов силовых структур и правоохранительной системы применение специального профессионального тестирования помогло бы диагностировать

«одномерное мышление и поведение» определенного типа людей, значительно повысить качество и улучшить деятельность слуг Закона. В результате произошел бы «естественный» отбор по-настоящему достойных называться работниками правоохранительных органов. Ведь они представляют государство и по ним судят о нем!

В то же время некоторые работники правоохранительной системы подчас неадекватно проявляют себя в профессиональной деятельности. Наиболее ярко это усматривается в судебных органах, где предоставляется особая законная льгота судебной власти в решении судеб граждан. А ведь Суд – высший орган государственной власти! Сложная деятельность судьи требует не только юридической, но и психологической подготовки. Для эффективности правового регулирования судья обязан быть эмоционально устойчив, толерантен, жизненно умудрен, терпим, способен к конструктивной деятельности. Однако в судах, вероятно фактически из-за бесконтрольности и безнаказанности, чаще исходят не из нормы права и презумпции невиновности, а из обвинительного уклона, неприязни и ненависти к попавшему в суд. Опираются на «внутреннее убеждение», не предусмотренное Конституцией понятие и не имеющее ничего общего с буквой Закона. Отсюда нередко появляются недостоверные протоколы судебных заседаний и сомнительные, с точки зрения объективности, доказательства, порой добытые с явными нарушениями при расследовании и рассмотрении дел. На столь заведомо спорной основе выносятся вердикты. При этом насаждается понятие: есть закон, но есть практика его применения. Нет-нет, да и шутят: два юриста – три мнения. Но нельзя забывать, что в каждой шутке... Отдельные работники судебных органов иногда субъективно используют противоречия между законами, к сожалению имеющими место в нашем действующем законодательстве, не во благо законности.

Или, например, ГПК РФ содержит нормы права, позволяющие слушание дела в отсутствие ответчика. Так, «прикрываясь» соблюдением процессуальных сроков, допускается грубейшее отступление от основного

международно-признанного принципа судопроизводства: равенство и состязательность сторон в процессе. Этот юридический артефакт используется иной раз судьями явно не в интересах правосудия. Бывает, что почему-либо намеренно создают ситуацию отсутствия стороны. А затем утверждается, что сроки, якобы, умышленно пытается нарушить заинтересованная в этом, по мнению суда, сторона. Причем обвиненная в умышленности сторона сегодня доказать необоснованность такого упрека практически лишена возможности. О какой состязательности и равноправии сторон здесь может идти речь, если во время слушания дела отсутствует одна из сторон? Налицо явные противоречия. Как их разрешать? Что важнее для правосудности? Соблюдение сроков любой ценой или правовая чистота рассмотрения дела? Большинство простых граждан наверняка выберут точное соблюдение Закона, а не сроки.

Между тем, ответ на эти вопросы – за профессионалами. Но, отвечая на них надо помнить, что основной принцип судопроизводства, повторяю: состязательность процесса и равноправие сторон перед Законом. Он закреплен, согласно международным принципам судопроизводства, в ст. 123 Конституции РФ и в некоторых соответствующих статьях ГПК РФ и УПК РФ.

Очевидно, что отсутствие реального специального психологического профессионального тестирования пагубно сказывается на положительных результатах в различных областях деятельности человека. Вот почему зарубежом тестирование развивалось и продолжает развиваться нарастающими темпами и этому уделяется большое внимание, поскольку тестирование оказывает эффективное содействие в решении все более широкого круга вопросов в разнообразных сферах повседневной жизни. Такие западные мастера психологии, как Анна Анастаси, Сьюзан Урбина и другие, уже давно разработали систему психологического тестирования, которая успешно используется на различных участках работы человека. Существуют всевозможные способы тестирования: индивидуальное, групповое, компьютерное и т. д. Тесты различаются по аспектам поведения, для изме-

рения которых они предназначены. Они обеспечивают измерение личности, включая эмоциональные и мотивационные характеристики, межличностное поведение и т. п.

Никто не ставит под сомнение необходимость применения в некоторых случаях так называемого «детектора лжи», хотя, возможно, его следовало бы в случае объективной необходимости применять значительно чаще. Применяют же его, обследуя претендента на прием на работу в силовые структуры и другие правоохранительные органы.

Тесты же были внедрены в практику в качестве средства, выявляющего и компенсирующего ненадежность, субъективность, возможную тенденциозность и ошибочность персонификации. Причем они активно начали применяться в начале прошлого века и в нашей стране, но к середине прошлого века от их использования стали у нас отказываться из-за некомпетентности чиновников. Вместе с тем, рассматривать тесты как панацею от всех бед или, наоборот, как козла отпущения, могущего стать виноватым во всех проблемах общества, естественно было бы заблуждением. Однако, когда тесты используются надлежащим образом, они выполняют важную функцию, максимально предотвращая последующую неадекватную реакцию будущего или настоящего должностного лица в конкретных ситуациях, корректируя кадровую политику во время процедур отбора специалистов, гарантируя при этом оптимальность. Но в настоящее время из-за отказа от системного профессионального тестирования количество недобросовестных должностных лиц все еще велико. В правоохранительной системе такое отношение к подбору кадров особенно пагубно сказывается на правовом положении граждан и от этого страдает репутация государства. Не случайно обращения граждан из России в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге значительно превысили количество обращений граждан из других стран и вышли далеко за рамки разумных и допустимых, с точки зрения норм права, из-за вердиктов, вынесенных нашим «правосудием».

В 90-тые годы теперь уже прошлого века законодатель обращал внимание на вопросы тестирования, но дальше обсуждения дело не пошло. Полагаю, что в целях решения политических, экономических, иных социальных, в том числе социально-правовых, вопросов и обеспечения во всех сферах нашей жизни незыблемости верховенства Закона, настало время вернуться к обсуждению, более детальному рассмотрению, разработки и законодательному закреплению специального профессионального тестирования.

ГРУЗИЯ, КОТОРУЮ Я ЛЮБЛЮ

Агрессия Грузии против Южной Асетии привела меня в замешательство. Утверждения же Саакашвили о насильственной оккупации Грузии со стороны России шокировали. Видимо нынешний Президент Грузии получал архи специальное образование.

Любой мало-мальски образованный человек хотя бы слышал о, так называемом, Георгиевском трактате от 24 июля 1783 года.

В нем, в том числе, говорилось: «В сем самом расположении снисходя на прошения, ко престолу Ее императорского величия принесенные от светлейшего царя карталинского и кахетинского Ираклия Теймуразовича о принятии его со всеми его наследниками и преемниками и со всеми его царствами и областями в монаршее покровительство Ее величества и Ее высоких наследников и преемников, с признанием верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими, всемилостивейше восхотела постановить и заключить с помянутым светлейшим царем дружественный договор, посредством коего, с одной стороны, его светлость, именем своим и своих преемников, признавая верховную власть и покровительство Ее императорского величества и высоких Ее преемников над владетелями и народами царств Карталинского и Кахетинского и прочих областей, к ним принадлежащих, ознаменил бы торжественным и точ-

ным образом обязательства свои в рассуждении Всероссийской империи, а с другой, Ее императорское величество такожде могла бы ознаменить торжественно, каковые преимущества и выгоды от щедрой и сильной Ее десницы даруются помянутым народам и светлейшим их владетелям».

Очевидно, что прошение о дружественном договоре исходило от самой Грузии.

Далее в первом артикуле указано: «Его светлость царь карталинский и кахетинский именем своим, наследников и приемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства Ее императорского величества и Ее высоких наследников и преемников престола всероссийского императорского, обещая тому престолу верность и готовность пособствовать пользе государства, во всяком случае, где от него то требовано будет».

Артикул седьмой гласит: «Его светлость царь, приемля с достодолжным благоговением толь милостивое со стороны Ее императорского величества обнадеживание, обещает за себя и потомков своих: п.1. Быть всегда готовым на службу Ее императорскому величеству с войсками своими; п.2. ...подданных Ее величества охранять от всяких обид и притеснений».

Артикул восьмой закрепляет: «...для вящего соединения с Россией сих единоверных народов, Ее императорское величество соизволяет, чтоб католикос или начальствующий архиепископ их состоял местом в числе российских архиереев в осьмой степени, именно после Тобольского, всемилостивейше жалуя ему навсегда титул Святейшего Синода члена».

В первом сепаратном артикуле зафиксировано: «...намерение, дабы единоверные Ее императорскому величеству народы, тесными узами с империей Ее соединенные, пребывали между собой в дружестве и совершенном согласии в страх завистующим им соседям...».

И, как венец доброй воли, в клятвенном обещании звучало: «Аз нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что ...обязываюсь по чистой моей христианской совести неприятелей Российского государства почитать за своих собственных неприятелей».

И после такой клятвы напасть на Российские посты миротворцев?

Конечно, мне могут возразить. Революция семнадцатого года прошлого века все перечеркнула. Но ведь после революции Грузия вошла в состав СССР и вновь добровольно. Стало быть, вряд ли уместно сейчас утверждать о насильственном со стороны России захвате Грузии.

Думаю, что втравливание народа Грузии в военный конфликт, в стороне от которого Россия не может стоять, говорит не только о безграмотном правлении администрации Грузии, но и о ее безразличии к собственному народу.

Меня с Грузией связывают кровные узы. Поэтому я с болью в сердце вспоминаю светлое прошлое, которое, надеюсь, не позволит возникнуть «клину» между русскими и грузинами.

Мой дед – потомок древнего Грузинского княжеского рода. В 1914 году он, как многие тогда граждане России такого происхождения, пошел добровольцем на первую мировую войну с Германией. Попал в плен. После подписания мира с Германией вернулся в Российскую империю. Путь в Грузию лежал через Москву. В то время попавшие в Москву лица обязательно отмечались в своей национальной диаспоре. Пока он проходил эту процедуру, познакомился с моей бабушкой, влюбился, остался в Москве и женился на ней. Через некоторое время у них родилась дочь. Дедушка дал ей имя великой царицы: Тамара. От смешанных браков всегда рождаются уникальные дети. Она была необыкновенно красива. Характер сформировался таким покладистым, что с ней никто и никогда не только не ругался, но даже не пытался спорить. Природа ее одарила чрезвычайной мудростью. Вырастили и вос-

питали ее в лучших традициях Грузинского народа. Эта девочка и стала впоследствии моей матерью.

Дед мечтал вернуться к себе домой, но бабушка тянула с решением о переезде в Грузию. Когда моя мама немного подросла, дед надумал показать ей свою родину. Но, приехав в Грузию, выяснил, что после революции его братья стали кровными врагами, все его имущество отдано в колхоз и возвращаться, по сути, некуда. Его появление в Грузии после плена более менее примирило родственников. Моя мама стала периодически приезжать туда на летний отдых. Она безгранично влюбилась в эту страну. В нее невозможно было не влюбиться. Встречали маму всегда, как царицу Тамару. Столько тепла, любви, заботы, внимания, добра она получала от каждого посещения этой маленькой, но великой душой, традициями, обычаями, самобытностью страны, что любовь к ней переполняла ее сердце. Затем эта любовь передалась и мне. Конечно, в этом был «виноват» и дед. Каждая секунда, проведенная с ним, имела для меня огромное благотворное значение. Он так меня опекал, что я не хотел отходить от него ни на шаг всякий раз, когда мне повезло быть с ним. Если я хулиганил больше дозволенного, он не ругался и, тем более, не наказывал, а лишь спрашивал: «Где твоя совесть, шени чириме?». Я ему отвечал: «В буфете, деда». Он нежно улыбался и доставал из буфета обожаемую мною пастилу. Чтобы мое мышление активно развивалось, он любил повторять: «Я стучу по стенке, а ты пойми, что я хочу сказать». Мое узнавание столь высокой нравственной сущности грузина начиналось с моего деда.

Первый раз мама решила показать мне непосредственно Грузию и её народ в 1949 году, когда мне было всего четыре года. Мы приехали в Тбилиси. От Тбилиси в Сигнахский район Кахетии, родину моего деда, находящуюся на границе с Арменией, была проложена узкоколейка в одну колею. В пару мест для безопасного движения встречных поездов ее обустроили разъездами. Поезда ходили строго по расписанию, но на этих разъездах ожидали встречный состав.

Прошло около четырех лет после окончания второй мировой войны с Германией. Из-за нее мама уже давно сама не была в Грузии. Поэтому мы ехали и не знали, на что нам надеяться. Однако встреча превзошла все наши ожидания. Не только родственники, но и все соседи считали своим долгом пригласить нас к себе в гости. Отказаться было нельзя. Не принято было в Грузии отказываться от таких приглашений. Мы гостили почти месяц, но все прошло, как в один час.

В первую очередь мы приехали к Тамро-бабо. Это жена одного из братьев, наиболее близкого моему деду, убитого во время революции. После потери мужа она так и не вышла замуж. До самой ее смерти и после нее образ Тамро-бабо хранится в моем сердце, как самой близкой и любимой бабушки и навсегда остался для меня эталоном любви, преданности, самопожертвования ради дорогих и близких людей.

В первый же день нашего приезда стол накрыли во дворе у Тамро-бабо. Она пригласила к себе все село. Гости пришли со своими харчами, столами и скамейками. Посидели полдня и стали все перетаскивать в другой двор. Все дружно взялись и перенесли туда столы со всем содержимым и скамейки. Посидели там и тронулись дальше. По мере перемещения стол торжественно рос размерами. Народ все подходил и подходил. На стол постоянно добавляли напитки и угощения. Длинные грузинские тосты звучали не смолкая, словно журчали, как целебный родник, и лились рекой вместе с напитками.

Когда настал день отъезда, всем селом со столами, угощением и напитками передвинулись к железной дороге. Железнодорожной станции, как таковой, не существовало. Поезд останавливался, если желающий подсесть на него просто голосовал рукой. Когда показался поезд в направлении Тбилиси, кто-то проголосовал. Поезд остановился. Сельчане пригласили за стол машинистов и всех пассажиров. Конечно, график движения нарушили, но обычаи и традиции добродушного теплого грузинского приема были соблюдены.

Другой раз, когда мы приехали в Грузию, сельчане преподнесли нам сюрприз. В районе Сигнахи давным-

давно была посажена вековая дубовая роща. По преданию эту рощу, чуть ли ни своими руками, высаживала императрица Екатерина. Роща числилась, как заповедник, где даже гулять нельзя было без разрешения.

В Грузии вообще всегда относились очень трепетно к своей истории. Грузины во все времена в большинстве своем занимались земледелием и не в простых условиях. Поэтому у них выработалась особая причастность к природе. Нам же не дали опомниться после приезда и в первый же день отвезли в эту рощу, где устроили грандиозную праздничную встречу по всем правилам грузинского гостеприимства.

Если к этому добавить впечатления об условиях и образе жизни в Грузии на тот период, то складывается потрясающая ни на что не похожая картина. Дома были построены из блоков, сделанных из веток колючих кустов и глины. В дверях, практически, не было замков, поскольку в селах не воровали. Невысокие заборы были свиты из веток тех же колючих кустов. Вокруг росли виноград, абрикосы, грецкие орехи... Люди улыбались друг другу и радовались жизни. Любой был готов прийти на помощь. Мной все это воспринималось, как сказка.

Гигла (один из племянников моей матери) специально для меня завел и держал лошадь, чтобы я, когда наезжал, скакал верхом на ней по горам, хотя я не каждый год приезжал. Василий и Сосо (его дети) почтительно вставали при моем появлении, уступая мне место, хотя я был значительно моложе их по возрасту. Но по статусу они были моими племянниками. Соседская корова после пастбища возвращалась домой, проходя мимо дома Тамро-бабо. Бабушка останавливала ее и надаивала мне кружку парного молока. Корова настолько за лето привыкала к такой обязанности, что и зимой самостоятельно в одно и то же время приходила из своего хлева к дому Тамро-бабо и не двигалась с места, пока не надоят кружку молока. Родственники не упускали случая прислать нам гостинцы в Москву, чтобы мы не теряли внутреннюю душевно-психологическую связь с ними и в Москве ощутили частичку Грузии.

Обо всем этом и многих других уникальных чертах жизни грузин можно вспоминать бесконечно. Ну, как не влюбиться в грузин и в их Грузию?

В последний раз я был в Грузии в 1973 году по весьма печальному поводу, в связи со смертью Тамро-бабо. Так сложилось, что это был первый мой приезд в прекрасную Грузию, после моей службы в армии. Но он оказался и последний.

Люди стали какие-то другие. Я не чувствовал того юмора, доброты, приветливости. Появились дома-дворцы. Вокруг них были возведены крепостные заборы. К трагедии утраты моей любимой, бесконечно дорогой для меня бабушки, добавилось удручающее впечатление кардинальных негативных изменений внешнего и внутреннего состояния Грузии и грузин, которые бросились мне в глаза и шокировали. Единственное утешение на ближайшие несколько лет я все же увез из Грузии. Пастухи мне подарили потрясающего щенка кавказской овчарки. Я его так и назвал – Чабан.

После этого постепенно контакты с родственниками начали «затухать» и возникали лишь тогда, когда им требовалась какая-либо, как сейчас принято говорить, деловая помощь Москвы. Родственная связь большинства из них перестала интересовать. При этом надо отметить, что население Грузии разделилось. Одна часть стала задумываться над тем, как выжить и им было не до личной жизни. Другая часть рассматривала контакты с исключительно коммерческой стороны. Кто в эти рамки, особенно последние, не вписывался, был обременителен и не желателен для них.

Вероятно, уже тогда все покатило по наклонной к сегодняшнему результату. Жаль, что грузинам помешали сохранить свою неповторимую частичку мировой культуры и навязали состояние психоза. Хотя я не думаю, что сами грузины стремятся к такой деградации. К власти в Грузии, как известно, пришли сегодня не совсем аборигены. Их амбиции явно не вытекают из интересов коренного населения Грузии. Простой народ, наверняка, не хочет обострения отношений с кем-либо, а уж тем более с Россией. Но это беда не только Грузии. Постсо-

ветское пространство переживает непростые времена. Однако хочется верить: моя любимая Грузия вернется «на круги свои» и можно будет гордиться, что частично я тоже – Грузин.

Об АДВОКАТЕ Ю. Н. КВАРТИНЕ: интервью Александра ИВАНОВА с Юлием Квартиным (1994 г.)

«ОТЧЕГО СУДЬЯ НЕ ЛЮБИТ ПИТЬ ЧАЙ С АДВОКАТОМ»

Сегодня, как воздух, нужен отвечающий духу современности закон об адвокатуре.

Юлий Квартин – адвокат Московской областной коллегии адвокатов, как профессионал с большим опытом, принимает участие в его разработке, поскольку все прелести адвокатской незащищенности ему не раз приходилось испытывать на себе. С целью отстранения от процессов на Квартина, случалось, заводили уголовные дела, которые вскоре были вынуждены прекратить «за отсутствием состава преступления». В застойные времена ему удалось маленькое чудо: выиграл дело о защите чести и достоинства у одного из изданий самого ЦК КПСС. Сегодня репутация адвоката настолько прочна, что к нему обращаются за услугами даже иностранные клиенты. Вот почему первый вопрос к нему был:

– Насколько доступны сегодня у нас услуги адвоката?

– Судите сами: практически, во всех цивилизованных странах чуть ли не у каждой семьи есть свой семейный адвокат. Московская городская коллегия адвокатов насчитывает немногим более тысячи человек, а население города – более 10 миллионов человек. На столичную область приходится и того меньше моих коллег. При условии, что к адвокату нужно ходить за советом по очень многим вопросам, не дожидаясь ЧП...

– Словом, адвокатское обслуживание на уровне цивилизованной страны большинству из нас пока не светит – откуда сразу столько специалистов?

– И дело не только в этом, а еще и в правосознании граждан. Далекое не все у нас стремятся к контакту с адвокатом и даже плохо представляют, кто такой адвокат.

– Но почему?

– Причин много. Столько лет адвокатов пропагандировали не с лучшей стороны... К тому же, в народе долгое время считали, что адвокат – формальный отросток суда, а потому и не доверяли. Мало кто осознавал, что адвокат – свободная личность, у него всегда были сложности с госструктурами – он их просто раздражал. Да и настоящих профессионалов было не так много. Сколько проштрафившихся партработников отправляли «в адвокатство»...

– А в материальном смысле – насколько сегодня доступны услуги Ваших коллег?

– Раньше действовала инструкция об оплате адвокатов, которая регламентировала суммы гонораров. Сейчас, как во всем мире, все гонорары – договорные. Я знаю достаточно много довольно хороших адвокатов, которые смотрят в первую очередь не на финансовую сторону (хотя она не на самом последнем месте), а прежде всего на степень интересности дела и насколько комфортно будет работать с клиентом. Зависит еще от сложности дела, его объема, длительности. Словом, договор на оказание юридической помощи может быть вполне по силам среднестатистическому гражданину.

– Что делать, если клиент приходит к адвокату, а тот ему отвечает: дело ему не подходит и он не может взяться за дело?

– Ну, во-первых, переговорить еще раз и выяснить, по каким же критериям не подходит. Часто можно все же найти общий язык, заинтересовать, обратить внимание на «изюминку» в деле. А главное – адвокату нужно рассказать все, а не только то, что клиент считает нужным. Опытный адвокат это сразу почувствует и поймет, что ему не доверяют. Зачем тогда Вы пришли ко мне? Не будем забывать: закон обязывает адвоката хранить тайну клиента...

– Некоторые считают, что понятия «нравственность» и «адвокат» – просто несовместимы. Для ад-

воката есть только одно понятие – цель определяет средства.

– Вероятно, Вы имеете в виду дела, которые заранее вызывают антипатию у народа: убийство, изнасилование, взятка, кража. Но и тут не стоит абстрактно говорить о нравственности. Или безнравственности. Тут просто другие критерии. Если дело само по себе интересно и, изучив его, видишь какие-то явные нарушения закона, субъективный подход, а подчас и просто подтасовку со стороны следствия, а иногда и суда в пользу обвинительного приговора – такое бывает, – будет безнравственно скорее отказываться от дела. Адвокат, обладающий правовым мышлением, всегда найдет линию защиты.

К примеру, в моей практике было такое дело: человека обвинили в краже. Предыстория такова. В одной организации произошла кража. Охранник бросился вдогонку за грабителями. Те перепрыгнули через забор и скрылись. Преследователь обежал забор, увидел у метро некоего человека и задержал его, хотя краденого при нем обнаружено не было, он был «под хмельком» и утверждал, что только что вышел из метро. Органы милиции запросили справку на задержанного в соответствующих инстанциях, и выяснилось: тот был уже дважды судим. Следствие рассудило так: ага, раз был уже судим – значит, он и украл. Только потом, на суде, выяснилось: обвиняемый никакого отношения к этому случаю не имеет, но имел все шансы безвинно оказаться за решеткой. Как, нравственно было мне его защищать?

– Но, ведь бывают, же случаи, когда вина обвиняемого очевидна, а адвокат и тогда продолжает попытки обелить подзащитного? А преступность растет...

– Давайте все же не будем говорить, обобщая все дела. Чтобы не ходить далеко за примером: вот дело, которым я занимаюсь сейчас. Дело по обвинению во взятке директора 3-го Московского хладокомбината Анатолия Зотова. После суда он получил 5 лет. За что? Версия обвинения такова. К директору Зотову обратился один из директоров ТОО с просьбой предоставить ему в аренду помещение. Цена за аренду оказалась до-

вольно высока. Директору ТОО показалось, что с него вымогается взятка. Он обратился в милицию, ему поместили деньги, дали диктофон. Затем пошел на прием к директору хладокомбината, поговорил с ним недолго, положил на стол конверт с деньгами и вышел. В этот момент нагрянула милиция: «Откуда у Вас эти деньги?» – «Не знаю». Ничего вразумительного Зотов и сказать не мог, поскольку и раньше страдал сильной потерей зрения (-7) и слуха (без слухового аппарата не слышит), а тут и совсем растерялся. Попросили расписаться – он и расписался во всех предложенных ему бумагах...

– А как поступил бы опытный человек?

– Если не понимаешь, что с тобой происходит, лучше не давать никаких показаний, нигде не расписываться и дожидаться прихода адвоката. Но, несмотря на все физические недостатки обвиняемого, адвокат ему был предоставлен только через 10 дней, когда уже были проведены основные следственные действия, а задержанный директор полностью доверился своему следователю. Затем – очень быстро прошел суд.

Когда родственники осужденного обратились ко мне, я ознакомился с делом и понял, что, если тут уж вовсе не пахнет взяткой, то, во всяком случае, она просто не доказана нормально ни на следствии, ни в суде. Суд просто поспешил и настолько, что вынес незаконный приговор, с нарушением ряда статей: даже в самом приговоре забыли указать статью, по которой осуждается подсудимый. Редкий весьма случай: по приговору имеется особое письменное мнение одного из народных заседателей, хотя в народе их называют иногда «кивалами». Суд в диктофонной записи, не прибегая к помощи экспертов, нашел момент с взяткой, хотя даже следствие ранее этого не нашло. Есть и другие несуразности. Словом, приговор отменен, по моей жалобе, сейчас дело направлено на новое рассмотрение. Но у меня нет убежденности, что в новом заседании кому-то не захочется защищать честь своего мундира.

– Не будем забывать: суд везде называют третьей властью.

– Все так, но смутное состояние в стране, вероятно, распространяется и на суд. А то и с него начинается. В суд уже верят далеко не все, как в справедливую инстанцию. Нередко можно услышать такое: «Судья взятки берет?». На взятку надеются: если возьмет взятку – сделает нормально, не берет – значит надеяться не на что.

– *Вы все представляете в таком мрачном свете, как будто судебные реформы, которые проходят сегодня, – сплошной блеф.*

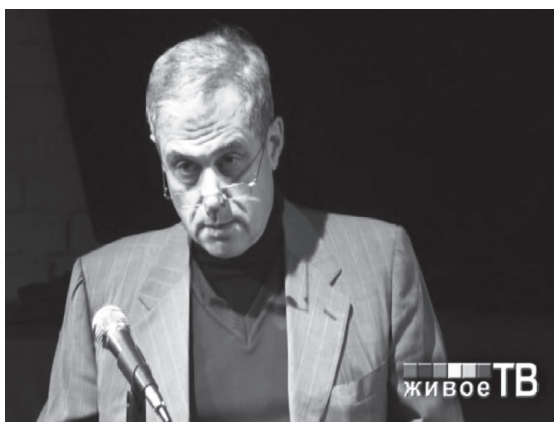
– Какие-то реформы, безусловно, пытаются провести в жизнь. Но, чтобы провести эти реформы с максимальной эффективностью, нужно, прежде всего, изменить подход к назначению судей – он пока, все же, формален, без психологов и социологов.

Регулярно участвуя в судах в проведении дел, я пока не заметил никаких изменений в психологии судей: обвинительный уклон по-прежнему сохраняется. Еще хуже даже стали относиться к адвокатам прокуратуры. Как были две стороны баррикады, непонятно кем возведенные, так они и остались. Прокурор, когда зайдет к судье, – судья с удовольствием сядет с ним пить чай. А вот адвокат, когда зайдет к судье, – ему чаще: «Сейчас же отсюда выйдите!». Но ведь и прокурор, и адвокат, фактически, как указано в нормах права, два равнозначных лица в процессе...

– *Но объяснить судейскую строгость можно по-пробовать: рост преступности, раздражение населения...*

– Да как же может не расти преступность, если правовая основа самого государства не на должном уровне! Мы все говорим: вот, на улице все подряд злые. А Вы зайдите в суд, посмотрите на судей... Но они-то уж априори не должны быть злыми. Они, прежде всего, должны быть – мудрыми, а то и добрыми. Не всегда человека нужно строго карать. Для него, нередко, вполне достаточно пройти через судебный процесс, чтобы никогда в жизни не вернуться к преступлению. У нас же, практически, все судьи настроены заранее на обвинительный уклон.

Злость и справедливость – вещи разные. Наказание должно соответствовать содеянному, но не превышать порога. Вердикт по делу должен базироваться не на сомнительных, а исключительно на объективных доказательствах. Адвокат постоянно старается доказать эту истину.

Юлий Квартин у микрофона в музее Маяковского

СОДЕРЖАНИЕ

<i>«Где твоя совесть, шени чириме?» Или почему я стал адвокатом.....</i>	3
Новый закон или реверансы прошлому?	6
Никитин компьютер	12
Здравствуй, страна бесправных	14
Не именем революции, а именем закона	20
Безнадзорное правосудие	23
Артефакт!.....	26
Как следователь решит, так и будет	28
Рассудили... до суда	29
Регламентация независимости.....	31
Абсолютный порог в наказании	33
Презумпция безнаказанности	39
Безнаказанность «предусмотрена» законом	42
Тестирование может помочь соблюдению законности.....	50
Грузия, которую я люблю	58
<i>«Отчего судья не любит пить чай с адвокатом» Интервью А. Иванова с Ю. Квартиным (1994 г.) .....</i>	65

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

ЮЛИЙ НАУМОВИЧ КВАРТИН
Житейское море

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 12.04.2012
Подписано в печать 20.04.2012

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75